ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1976
9/2-135

НЕСОМНЕННО, РЕЗУЛЬТАТАМ, ДОСТИГНУТЫМ ГОД НАЗАД В ХЕЛЬСИНКИ, СУЖДЕНА БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ И НИКОМУ НЕ УДАСТСЯ ПОКОЛЕБАТЬ, ЗАТУШЕВАТЬ ИХ.

МОЖНО УВЕРЕННО СКАЗАТЬ, ЧТО БЛАГОДАРЯ СОВЕЩАНИЮ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ ЕВРОПА ПОДНЯЛАСЬ НА СОЛИДНУЮ СТУПЕНЬ ВЫШЕ, ЧЕМ ДО НЕГО. ОНА НАУЧИЛАСЬ НАСТОЙЧИВЕЕ И ЛУЧШЕ ИСКАТЬ РЕШЕНИЯ ЖГУЧИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ, РАБОТАТЬ С БОЛЬШЕЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ОТДАЧЕЙ В ИНТЕРЕСАХ РАЗРЯДКИ, УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ И МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ.

МОГУТ СКАЗАТЬ, ЧТО В ЭТИХ СЛОВАХ ДОМИНИРУЕТ ОПТИМИЗМ. ДА, ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК.

Из ответов Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента «Правды» (30 июля 1976 года).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2561)

7 АВГУСТА 1976

1 августа 1975 года, Хельсинки. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подписывает от имени Советского Союза Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Фото С. Смирнова.

РА И ПРОГРЕССА

Во время переговоров. Фото А. Гостева.

В АТМОСФЕРЕ ДРУЖБЫ

2 августа в Кремле начались советско-сомалийские переговоры.

Переговоры вели:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, члены ЦК КПСС заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, первый заместитель министра обороны СССР В. Г. Куликов;

с сомалийской стороны — член Политбюро ЦК Сомалийской революционной социалистической партии, вице-президент Сомалийской Демократической Республики М. А. Самантар, члены ЦК СРСП Ахмед Мухамуд Фарах, Абдурахман Айдид, Омар Салад Эльми, Омар Хаджи Мохамед, Осман Салах.

Во время переговоров были рассмотрены вопросы, касающиеся дальнейшего развития дружественных отношений и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Сомалийской Демократической Республикой в различных областях.

М. А. Самантар выразил глубокую благодарность Коммунистической партии Советского Союза, советскому народу и лично Л. И. Брежневу за всестороннюю помощь народу Сомалийской Демократической Республики в строительстве новой жизни.

Было подтверждено взаимное стремление КПСС и СРСП к укреплению межпартийного сотрудничества, всемерному развитию дружественных отношений между Советским Союзом и СДР.

Переговоры проходили в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания.

СГОВОР В ПУЭРТО-РИКО

Сергей ЛОСЕВ

Со временем станет, очевидно, известно, какого рода еще тайные сделки были заключены на встрече большой капиталистической семерки в Пуэрто-Рико в конце июня сего года. В повестке дня этого совещания глав государств и правительств США, Англии, Франции, ФРГ, Японии, Италии и Канады, проходившего в уединенном отеле «Дорадо-Бич», официально фигурировал единственный вопрос: как предотвратить новую волну инфляции в западном мире, пораженном экономическим кризисом. Последующее решение лейбористского правительства заморозить заработную плату английских трудящихся, как теперь стало ясно, было предопределено именно в Пуэрто-Рико, где министр финансов США Саймон выдвинул соответствующий план.

Три недели спустя на встрече с американскими журналистами в Вашингтоне канцлер ФРГ Г. Шмидт как бы в неофициальной, доверительной форме раскрыл, что в ходе пуэрто-риканской встречи он, президент США Дж. Форд, премьер-министр Англии Дж. Каллагэн, президент Франции В. Жискар д'Эстэн договорились лишить Италию всякой финансово-экономической помощи, если в новое итальянское правительство, формировавшееся после выборов, войдут коммунисты. Эта сенсация на следующий же день всплыла на полосах американских газет.

Напомним, что еще в канун парламентских выборов в Италии, когда Ватикан грозил отлучить от церкви всякого, кто будет голосовать за кандидатов компартии, Вашингтон развернул кампанию неприкрытого шантажа. Тем не менее на выборах итальянский народ отдал компартии свыше трети всех голосов. Тогда-то и была пущена в ход пуэрто-риканская плеть.

В то время как правительства Англии, Франции и Италии в той или иной мере отмежевались от высказывания западногерманского канцлера, Вашингтон отреагировал совершенно иначе. «Я неоднократно указывал,— заявил президент Форд на пресс-конференции,— что американское правительство в нынешнем составе было бы весьма встревожено, если бы коммунисты вошли в состав правительства Италии...» Представитель Белого дома высказался еще яснее. «Я не стал бы оспаривать то, что сказал канцлер»,— заявил он.

Факт грубого вмешательства во внутренние дела итальянского народа так или иначе оказался налицо.

Рассуждения «о праве волеизъявления», «демократии» избирательной урны являются любимым коньком империалистической пропаганды. В США даже создана недавно некая «контрольная комиссия», призванная следить за тем, как другие (!) государства выполняют решения общеевропейского совещания. Вместо того чтобы совать нос в дела других стран, вот ей бы и заняться расследованием вопроса о том, почему правительство США цинично нарушило взятое им в Хельсинки международное обязательство, согласно которому государства — участники общеевропейского совещания должны «уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы» и не вмешиваться в чужие внутренние дела. Если верить итальянскому правительству, союзники по НАТО даже не сочли нужным уведомить о принятом ими решении премьер-министра А. Моро (теперь уже бывшего), который представлял Италию в Пуэрто-Рико. В заявлении канцелярии председателя совета министров Италии утверждалось, что «итальянское правительство не было уведомлено об этом заранее, не участвовало ни в одном заседании и не было информировано об этом в дальнейшем».

Тайный сговор в Пуэрто-Рико лишний раз говорит о том, что интервенционистская природа империализма не изменилась. Когда результаты всеобщих выборов не устраивают монополии и правящий класс, империализм открыто попирает волю избирателей, прибегая в одних случаях к военно-фашистскому перевороту, как это было в Чили, в других — к экономическому шантажу.

Тесная координация между ведущими капиталистическими державами против демократических сил подтверждает настоятельную необходимость дальнейшего укрепления солидарности и сплоченности рабочего класса и коммунистов всех стран Европы в борьбе за общие цели, активизацию их совместной борьбы за демократию, прочный мир и социализм. На это и нацеливают решения Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы.

Как указал в своих ответах на вопросы корреспондента «Правды» Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «вмешательство некоторых западных держав в процесс формирования итальянского правительства — это не признак их силы, а проявление боязни перед могучим потоком социального прогресса...

Попытки внешнего диктата оборачиваются в наше время противоположными результатами».

Соотношение сил в мире сейчас таково, что империализм больше не в состоянии диктовать свою волю не только всей Европе, но и одной Италии. Показательно, что при формировании нового однопартийного правительства Дж. Андреотти правящая итальянская христианско-демократическая партия была вынуждена примириться с избранием коммунистов председателями семи парламентских комиссий и нижней палаты депутатов. «За всю историю Итальянской Республики,— сетует «Нью-Йорк таймс»,— коммунисты ни разу не занимали таких постов в парламенте. И хотя в новом правительстве у компартии не будет места в кабинете, она будет оказывать значительное влияние на направление, в котором пойдет Италия».

Западные державы «отметили» первую годовщину хельсинкского совещания по-своему: грубой и циничной попыткой вмешательства во внутренние дела Италии. Но время антикоммунистических крестовых походов и «санитарных кордонов» давно кануло в прошлое.

125 олимпийских наград советской команды: золотых медалей — 47, серебряных медалей — 43, бронзовых медалей — 35

ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ!

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Б. СВЕТЛАНОВА, телефото спец. корр. ТАСС В. БУДАНА и Я. ХАЛИЛОВА, АП — ТАСС, ЮПИ — ТАСС.

События, развернувшиеся на многочисленных монреальских аренах, результаты, показанные на них, сразу не осмыслишь, они будут еще долго изучаться и анализироваться специалистами, но нам известно главное: советская команда, несмотря на все постигавшие ее «незапланированные» неудачи (один футбол чего стоит!), еще раз доказала, что является неизменным олимпийским лидером. Сколько ярких, убедительных доказательств этому мы могли бы привести!

С чего же начинать или, вернее, продолжить наш рассказ, начатый в двух предыдущих номерах?

Если считать, что Олимпиады держатся на трех китах — плавании, гимнастике и легкой атлетике,— и учитывая, что о первых двух мы уже писали, то, пожалуй, продолжать надо с легкой атлетики. Именно здесь нас ждала особенно трудная борьба, и мы почти вчистую проиграли беговые номера у мужчин. Успехом надо считать лишь выступление Валерия Борзова на дистанции 100 метров. Мы привыкли несколько пренебрежительно, чуть ли не свысока относиться к «бронзе», и зря. Третье место на Олимпийских играх (да и не только на Олимпийских) мы обычно считаем чуть ли не поражением. Но это не всегда верно, и если третье место наших футболистов, проигравших свой полуфинальный матч команде ГДР, конечно, можно считать неудачей, то бронза Борзова — его успех. Недаром после финального забега, столкнувшись в кулуарах пресс-центра с тремя призерами — тринидадцем Хессли Кроуфордом, бегуном с Ямайки Дональдом Кворри и Валерием Борзовым,— окруженными целой толпой полицейских, сопровождавших их на пресс-конференцию, мы видели, с каким восторгом приветствовали и поздравляли Борзова журналисты, слышали, как высоко они оценивали его результат. Еще бы, ведь двукратный чемпион мюнхенской Олимпиады, спринтер, уже пятый раз пробегавший сто метров за 10 секунд, на равных боролся со своими молодыми, стремительными соперниками и оставил позади прославленных спринтеров Нового и Старого света — трех американцев и бегунов ГДР и Болгарии.

Не менее почетна и бронзовая медаль, завоеванная им на последнем этапе эстафеты 4 × 100 метров, и надо обладать высочайшей спортивной культурой, огромным мастерством, чтобы так умело, как Валерий Борзов, использовать свой «последний патрон». Да, что скрывать, Борзов на монреальской дорожке, может быть, разыграл свой последний финиш, в 26 лет пора с этим примириться. Но как достойно, как успешно он завершает свой славный спортивный путь! Мы все удивлялись, почему, готовясь к Монреалю, Борзов так мало выступает, избегает многих стартов. Оказывается, и его тренер В. Петровский и он сам взвесили каждый шаг, скрупулезно все рассчитали — и вот пуля не ушла «за молоком», как говорят стрелки, а попала в цель.

Если уж мы начали с легкой атлетики и Валерия Борзова, то следует, пожалуй, остановиться еще на двух верных рыцарях «королевы» — метателе копья Янисе Лусисе и метателе молота Анатолии Бондарчуке. Этим двум прославленным атлетам по 35 лет, и они принадлежат к одному и тому же славному спортивному поколению, оба олимпийские чемпионы: Лусис — мексиканской, а Бондарчук — мюнхенской Олимпиады (Лусис имел еще бронзовую медаль в Токио и серебряную в Мюнхене). Оба они мастера наивысшего класса, оба строили свою подготовку к выступлениям на последней для них Олимпиаде по тому же принципу «последнего патрона», как и Борзов, но как по-разному удалось им использовать этот последний патрон! Бондарчук поднялся на пьедестал почета, да не один, а со своим учеником Юрием Седых, ставшим олимпийским чемпионом, а Лусис занял в финале лишь последнее, восьмое место. Но можем ли мы винить человека, столько сделавшего для развития нашей легкой атлетики? Думаю, что нет!

Анатолий Павлович Бондарчук, отвечая на вопросы журналистов, сказал:

— Мне приятно, что мой ученик выступал лучше, чем я. Вы даже не представляете, как мне это приятно. Я знаю, что это мое последнее выступление, но ведь теперь за меня и за себя будет бороться Юра...

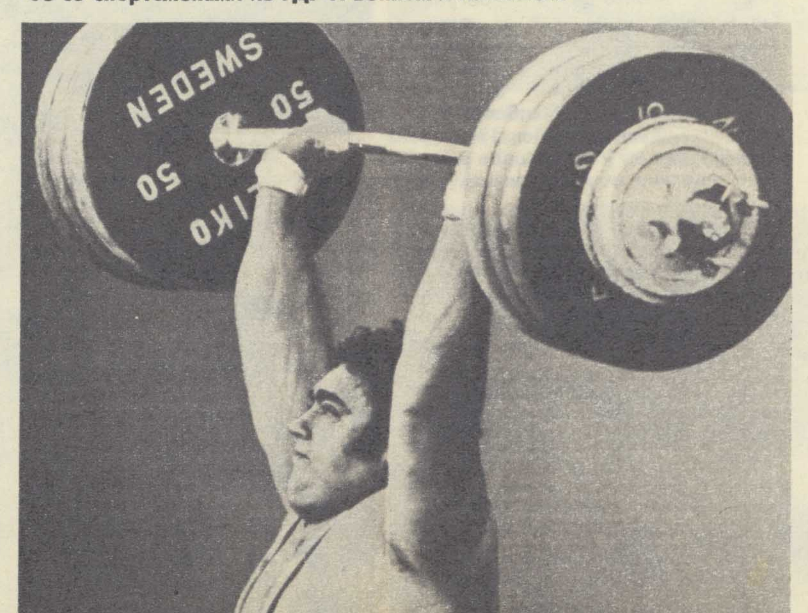
Юрий Седых, отправив свой молот во второй попытке на 77 метров 52 сантиметра, обеспечил себе, как оказалось, золотую медаль, а Алексей Спиридонов в последней попытке, словно увлеченный вдохновенным броском своего молодого товарища, «отметился» на рубеже 76 метров 8 сантиметров и завоевал серебряную медаль, оставив бронзовую Бондарчуку.

Какое это было радостное для всех нас, бывших в тот момент на монреальском стадионе, зрелище — три флага СССР в небе, три наших атлета на пьедестале почета!

Но, увы, этот факт вовсе не говорит о нашей силе в одном из самых олимпийских, самых популярных видов спорта — легкой атлетике. Не хочется вспоминать обо всех наших (увы, «запланированных») огорчениях, но куда от них уйдешь. Как и следовало ожидать, мы не только уступали во всех мужских номерах, но в нескольких — таких важных, как 400, 1500, 3000 с препятствиями и 10 000 метров,— вообще не выставили участников. Уж сколько лет мы пишем о том, что без сильных позиций на беговой дорожке нельзя успешно выступить в легкой атлетике, сколько раз спрашивали и себя и тренеров, почему мы плохо бегаем, и ответить на эти вопросы так и не можем. И каким же радостным диссонансом в привычной картине был финальный забег женщин на одной из самых классических дистанций—800 метров. В считанных метрах от финиша, на середине последней прямой, когда казалось, что нам в какой уже раз придется примириться с неудачей и что в какой уже раз победы добьется спортсменка ГДР, непостижимо легко и непринужденно вынеслась вперед и финишировала первой маленькая, худенькая Татьяна Казанкина, установившая новый мировой и олимпийский рекорд — 1 минута 54,94 секунды, почти на целую секунду опередившая вышедшую на второе место болгарку Николину Штереву.

Значит, можем! Значит, в силах! Так почему же Казанкина только исключение? Очень хотелось задать этот вопрос ее молодому тренеру Н. Малышеву, но в олимпийской сутолоке пришлось пока ограничиться беседой с нашей первой в Монреале олимпийской чемпионкой по легкой атлетике:

Василий Алексеев — самый сильный из штангистов — победил в борьбе со спортсменами из ГДР Г. Бонком и Х. Лошем.



— Если хотите, моя удача — дело счастливого случая. Не буду утверждать, что мы заранее три напряженных года, готовясь к Олимпиаде (я ведь в олимпийскую команду попала уже после Мюнхена), планировали выступление на дистанции восемьсот метров. Вовсе нет. Но так уж получилось, что незадолго до отлета в Монреаль я выступала во Франции, нужно было пробежать восемьсот метров, ну, я и пробежала и показала необычное для себя время — 1 минуту 56,6 секунды, всего на шесть десятых секунды хуже мирового рекорда моей подруги по команде Валентины Герасимовой. А я ведь до этого из двух минут не выбегала. Вот и родилась смелая мысль выступить на этой, мною плохо исследованной дистанции. Эта попытка, как видите, оказалась удачной.

— А за счет чего же пришла удача? — спросил я.

— Видимо, за счет закона сообщающихся сосудов — этот закон действует не только в физике, но и в спорте. Дело в том, что в беге средние дистанции соединены между собой, связаны друг с другом. Выносливость, обретенная мною в беге на 1500 метров, сослужила мне неоценимую службу в борьбе за золотую медаль на 800 метров. Моя задача заключалась в том, чтобы к моменту финишного броска, а он по-настоящему начинается за сто метров до конца бега, не очень отстать от соперниц. Этот план мне удался, и когда спортсменка ГДР Эльфи Цинн решила, что ей уже никто не страшен, я ликвидировала разрыв, «прихватив» вместе с собой еще и прекрасную болгарскую бегунью Николину Штереву.

...Тогда еще, быть может, и сама Татьяна не предполагала, что на финише 1500 метров она снова будет первой!

Кубинский спортсмен Альберто Хуанторена стал одним из двух самых выдающихся бегунов Олимпиады: ему, как и финну Лассе Вирену, удалось завоевать две золотые медали. Сперва он победил на дистанции 800 метров, а затем и на 400. Вспоминается, что Хуанторена в 1973 году выступал на Универсиаде в Москве еще «не обстрелянным» юнцом.

На монреальской беговой дорожке нас ждало много сенсаций, и одна из самых неожиданных — полнейшее фиаско американцев. Они проиграли свой главный козырь — легкую атлетику, и прежде всего бег.

Да, на сухопутных дорожках американцы не смогли оказать сопротивления спортсменам ГДР

Впереди Татьяна Казанкина, завоевавшая золотые медали в беге на 800 и 1500 метров.

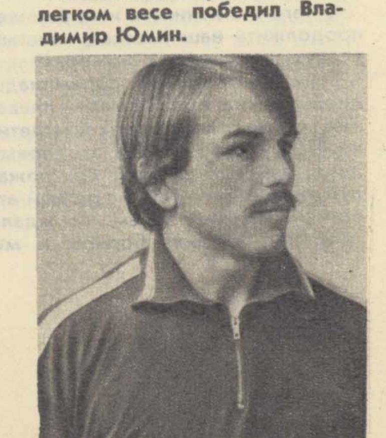
Наши девушки-гандболистки возвратились из Монреаля с победой.

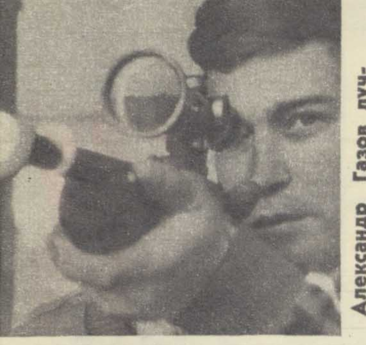
Чемпионы на байдарке-двойке Нина Гопова и Галина Крефт.

Чемпионы - гандболисты качают своего тренера Анатолия Евтушенко.

Владимир Невзоров (слева), победив японского дзюдоиста полусреднего веса Кодзи Курамото, завоевал золотую медаль.

В вольной борьбе в полулегком весе победил Владимир Юмин.





Александр Газов лучше всех стрелял по «бегущему кабану».

В фехтовании на саблях командную победу одержали Владимир Назлымов, Виктор Кровопусков и Виктор Сидяк. И в личном первенстве они все трое на пьедестале почета. Чемпионом стал Виктор Кровопусков

Валерий Шарий — чемпион среди штангистов среднего веса.

Сборная команда по классической борьбе добыла семь золотых медалей.

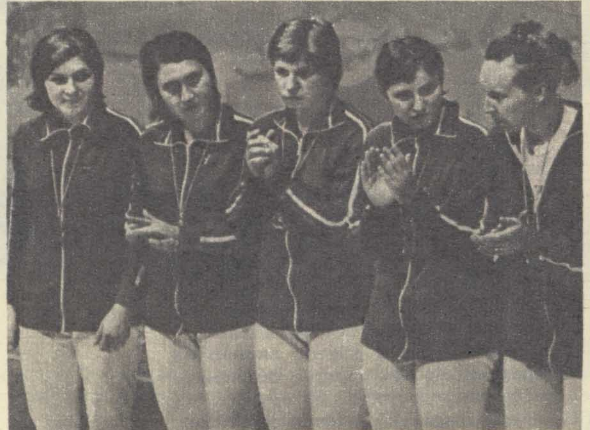
Юрий Седых — чемпион среди метателей молота.

Елена Вайцеховская (в центре) — чемпионка по прыжкам в воду с вышки. Второе место заняла шведка Ульрика Кнапе, третье — американка Дебора Уилсон.

Штангист Давид Ригерт — победитель в полутяжелом весе.

Дзюдоист Сергей Новиков — чемпион в тяжелом весе.

Героем Олимпиады стал кубинский спортсмен Альберто Хуанторена, победитель в беге на 400 и 800 метров.



Лучшая команда рапиристок: Наиля Гилязова, Ольга Князева, Валентина Сидорова, Елена Белова, Валентина Никонова.

Золотой экипаж четверки распашной с рулевым. Слева направо: Н. Иванов, М. Кузнецов, В. Ешинов и А. Клепиков. Автограф дает А. Лукьянов.

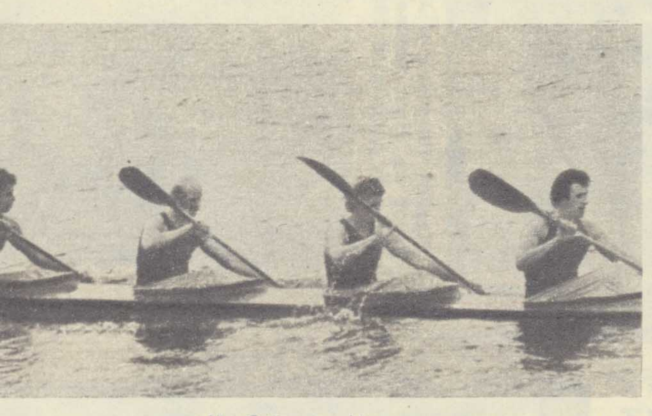
Сергей Петренко и Александр Виноградов на каноэ-двойке победили дважды — на дистанциях 500 и 1000 метров.

Иван Ярыгин — чемпион по вольной борьбе в полутяжелом весе.

В гребле на каноэ-одиночке победил Александр Рогов, оставив на втором и третьем местах Джона Вуда (Канада) и Матия Любека (Югославия).

Победители соревнований на байдарке-двойке (дистанция 1000 метров) Владимир Романовский и Сергей Нагорный.

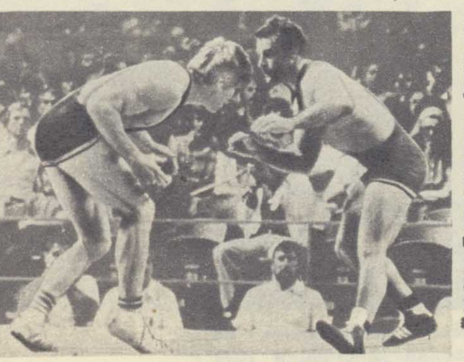
Торжественное закрытие XXI Олимпиады. На световом табло горят слова: «До свидания, Монреаль. До встречи в Москве».



На байдарке финишируют чемпионы — Юрий Филатов, Александр Дегтярев, Владимир Морозов и Сергей Чухрай.

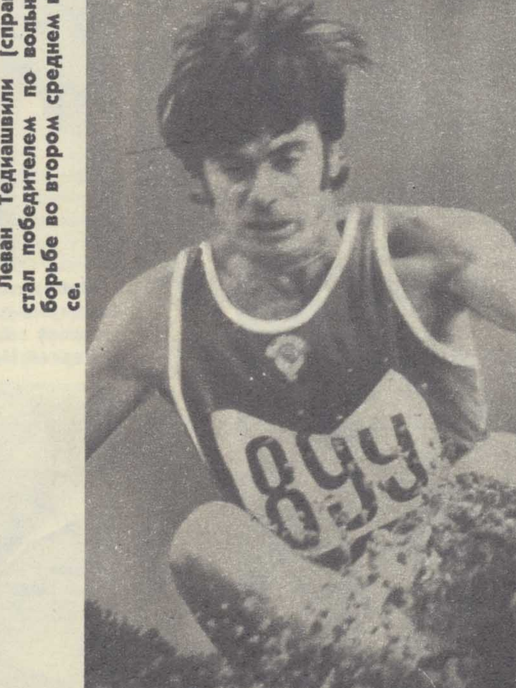
Павел Пинигин — чемпион в вольной борьбе (первый полусредний вес).

Виктор Санеев — победитель трех Олимпиад в тройном прыжке.



Леван Тедиашвили (справа) стал победителем по вольной борьбе во втором среднем весе.

Автограф дает Сослан Андиев — чемпион по вольной борьбе в тяжелом весе.



и Кубы, но на водных остались верны себе и собрали все, что предполагали собрать. Правда, только в мужском плавании, потому что в женском спортсменки ГДР ни на йоту не уступили своих позиций...

ГДР можно назвать страной спортивного чуда. То, чего добились за считанные годы специалисты ГДР по спортивной подготовке, иначе назвать невозможно, так же как невозможно проникнуть в глубь разработанной ими системы спортивной подготовки в коротком журнальном репортаже.

На трех плацдармах держатся в Монреале успехи спортсменов ГДР, и если первые два — легкая атлетика и плавание, то третий — гребля.

Мы побывали на острове Нотр-Дам, где находится олимпийский канал, в тот день, когда гребцы ГДР завоевали 5 золотых медалей, и нельзя было не восхищаться их слаженностью, волевой и физической подготовкой. Надо очень точно знать свои силы и верить в них, чтобы почти во всех заездах, выпуская соперников вперед, давая им «выгрестись», в тот момент, когда, казалось бы, уже все решено, устремляться вперед, мгновенно увеличивая число ударов, и вырывать победу.

На просторах озера Онтарио, описанного еще в романах Фенимора Купера, развивалась борьба яхтсменов.

Еще собираясь в Монреаль, я перечитал «Зверобоя» и выписал из романа строки, которые могли бы, наверное, пригодиться нашим яхтсменам:

«На американских озерах чаще всего дует западный ветер, но так как горы образуют здесь многочисленные извилины, то сплошь и рядом трудно определить действие направляющих воздушных потоков, ибо они изменяются на коротких расстояниях и через неточные промежутки времени».

Это описание, взятое словно из озерной лоции, хорошо объясняет сложности борьбы, которую с успехом выдержали наши спортсмены, завоевав 2 серебряные медали: в классе «Темпест» — Валентин Манкин и Владислав Акименко, в классе «Финн» — Андрей Балашов.

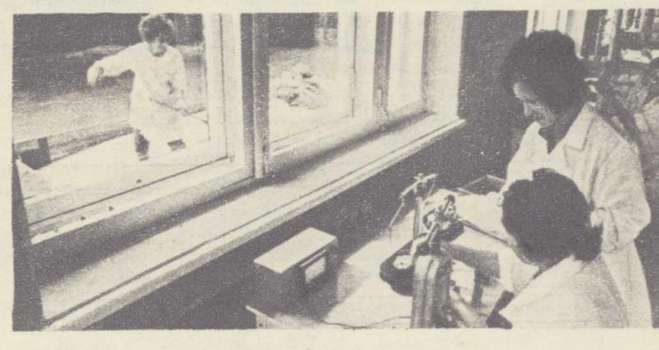
Борьба на монреальской Олимпиаде носила столь ожесточенный характер, что не все наши спортсмены смогли выдержать огромную психологическую нагрузку, чтобы здраво и хладнокровно «определять действия направляющих воздушных потоков», если выражаться по Фенимору Куперу. И вот еще задолго до финалов выбыли из борьбы наша академическая восьмерка и команда ватерполистов, чемпионов мюнхенской Олимпиады, проиграли югославам наши баскетболисты и, наконец, не выдержала несокрушимая Фаина Мельник (ну кто мог предполагать, что именно она не завоюет золотой медали!). Но единую поступь нашей олимпийской команды ничто не смогло сбить с победного шага. Великолепные выступления наших штангистов, наших замечательных борцов, успехи мужской и женской гандбольных команд, уверенные выступления баскетболисток уравновесили неожиданные потери, и вот мы возвращаемся домой с весомым, очень весомым грузом медалей и очков для того, чтобы отпраздновать победу и начать подготовку к следующей Олимпиаде — московской.

Л. СЕМЕНОВ
Фото А. ГОСТЕВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Председатель колхоза «Россия» Иван Яковлевич Домников объезжает свои поля.

Комбайнер Василий Колетов «включает» хлеб.

В лаборатории Оренбургского хлебоприемного предприятия идет проверка зерна на влажность.



Степи, степи, степи Оренбуржья... Сейчас они светло-желтые, плывут в жарком солнце.

Страда хлебная. К вечеру вдали, куда ни глянь, движутся малиновые огни. Идут комбайны...

Виктор Петрович Поляничко, секретарь Оренбургского обкома КПСС, сказал нам:

— Жатва в разгаре. Еще не пик ее, но уже добрый десяток районов области убирает хлеб. На оренбургской ниве сейчас в деле двадцать одна тысяча комбайнов, сорок тысяч тракторов, тридцать пять тысяч автомашин. Такое, пожалуй, разом можно увидеть только из космоса. Вот бы узнать у Бориса Волынова и Виталия Жолобова, как мы, южноуральцы, выглядим из «звездного дома»! — улыбнулся он.

Разговариваем мы в пропыленной «Волге» с табличкой на ветровом стекле «Жатва-76». Курс — на поля колхоза «Россия».

Ныне на повестке дня — хлеб. Он стал делом «семейным»: именно «семейные» агрегаты возглавляют социалистическое соревнование на жатве. Их в области 1800! Накануне страды в обкоме партии собрались представители семейных экипажей. Одних Коваленко из совхоза имени Ленина, Беляевского района, приехало семь человек.

— В нашем колхозе все сейчас на жатве. Дома только старики. Поедемте к комбайнам,— с ходу пригласил нас Иван Яковлевич Домников, председатель колхоза «Россия», Илекского района.

Снова полевая дорога. Пыль плотная, степная... Вопросы к председателю: велики ли поля, хорош ли урожай, кто впереди, каково настроение у людей.

— Вот одно поле.— Широкий жест руки председателя.— В длину семнадцать километров, в ширину—четырнадцать. Какова пшеница? Взяли в руки, развернули колосья — зерна крупные, светятся! А о людях... Увидите в бригаде или на току здешних мальчишек — не удивляйтесь. Сыновья механизаторов. Глаз с родителей не спускают. А кто постарше, готовы помочь у штурвалов... Словом, все в поле. И учителя и киномеханики.

...Мы видели, как убирали ячмень. Трудный был вымолот. Он стал, кстати, первым экзаменом бригады Петра Алексеевича Заикина. Иван Яковлевич Домников объяснял так:

— Ячмень семенной, добротный, но, как мы говорим, усатый, через решетку молотилки трудно проходит. Пшеничка — та легче, покладистее. Бригада Заикина сразу на ячмень попала. Молодцы, справились — за три дня ни много ни мало две тысячи гектаров зерновых, уложенных в валки. Пока держат первенство... Да и другие экипажи хорошо идут: братья Вьюжины, например, ежедневно перекрывают задание почти в три раза...

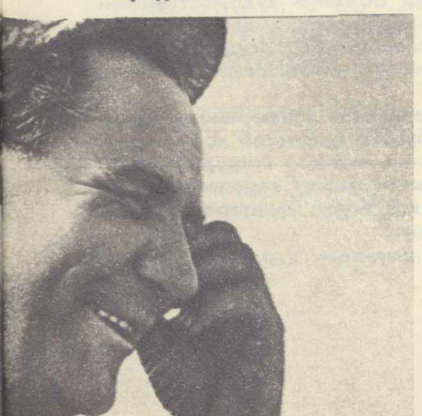
День и долог и короток. Роса падет на хлеба в три часа ночи, и это значит: до трех будут идти и идти комбайны по густым валкам, протянувшимся, кажется, до самого Урала. Комбайны уходят в ночь. Мы пытаемся расспросить хлеборобов об их планах, но про урожай здесь говорят скупо, уважительно: «хлеб есть», «добрый ячмень», «весы точно скажут, сколько».

Хлеборобы оренбургских хозяйств горячо откликнулись на слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им в приветствии трудящимся Краснодарского края: «Выражаю твердую уверенность, что благородный пример трудящихся края найдет широкую поддержку в областях, краях и республиках, в районах, колхозах и совхозах, будет с большим удовлетворением воспринят всем советским народом».

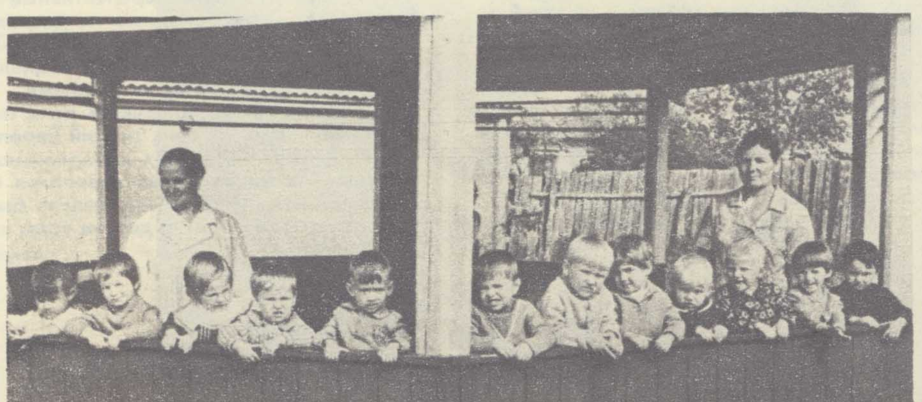
И сегодня они говорят:

— Намеченный нами оренбургский рубеж — три миллиона тонн зерна в закрома Родины — будет достигнут!

Бригадир И. Дудкин среди передовых.



— Мы скоро подрастем.



Валентина Солодовникова заменяет своего брата-комбайнера.

НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

В. И. ПОПОВ, заместитель министра культуры СССР

На страницах «Огонька» уже публиковались репродукции замечательных произведений живописи из музеев Соединенных Штатов Америки. Некоторые из них читатель сможет увидеть в этом номере.

Национальная картинная галерея США в Вашингтоне, Музей изобразительных искусств в Лос-Анджелесе, Детройтский институт искусств, Музей изобразительных искусств в Хьюстоне и Галерея искусства американского Запада Уитни в городе Коди предоставили произведения из своих коллекций для показа советским любителям искусства.

В составе выставки, о которой идет речь, работы Рембрандта, Тициана, Гойи, Эль Греко, Вермера, Франса Халса, Фра Филиппо Липпи, Ленена, Пуссена, Рейсдаля, Домье, французских импрессионистов, а также Пикассо, Модильяни, Кирхнера. Рядом с работами этих прославленных мастеров — полотна американских художников-реалистов рубежа прошлого и нынешнего веков, стремившихся с документальной точностью передать природу американского Запада, жизнь аборигенов-индейцев и первых переселенцев с Востока, среди которых центральное место занимают опоэтизированные ковбои.

Отличная коллекция картин! Инициатором и одним из основных организаторов этой выставки явился известный американский промышленник и общественный деятель Арманд Хаммер. Этот человек необычайной энергии и жизнелюбия наряду с широкими экономическими проектами, которые вносят весомый вклад в развитие делового сотрудничества между нашими странами, не раз выступал инициатором обмена художественными ценностями между американскими и советскими музеями.

И на этот раз в обмен на американскую выставку, которая была показана в Ленинграде, Москве, Киеве и завершит свое турне в сентябре в Минске, в шести городах США экспонировалась выставка шедевров западноевропейского и русского классического искусства из коллекций Государственного Эрмитажа и ленинградского Русского музея. Выставка картин из наших музеев имела за океаном необыкновенный успех. На ее открытии в Вашингтоне присутствовало около 10 тысяч гостей, свыше 300 тысяч человек посмотрели выставку в первый же месяц ее экспонирования в столице США.

Что это, частный факт осуществления культурного обмена? Но как бы ни был он сам по себе интересен, о нем не стоило бы писать, если бы это был только частный случай, а не явление, отражающее в конкретном событии общие и весьма знаменательные тенденции.

Необычайно интенсивное расширение обмена художественными выставками между странами и повышение его качественного уровня стало определенным знамением времени. На страницах печати различных стран можно встретить такие выражения, как «выставочный бум» или «выставочный взрыв». Дело, конечно, не в громких наименованиях этого явления, а в том, что оно отражает, что собой знаменует. Обмен произведениями искусства, которым практически нет цены, может столь широко осуществляться только в определенной международной атмосфере. Повышение уровня взаимного доверия между государствами, совершенствование системы и форм культурного обмена, то есть все, что несет с собой разрядка во всех сферах, создает условия для того, чтобы замечательные произведения, бережно хранимые в лучших музеях мира, могли увидеть люди в разных странах. С другой стороны, сам обмен шедеврами мирового изобразительного искусства, музейными экспонатами высшего достоинства способствует созданию атмосферы доверия, взаимной симпатии между народами. Невозможно переоценить его эстетическое и познавательное значение: ведь это позволяет миллионам людей приобщиться к прекрасному, глубже познать сокровища мировой культуры, лучше узнать друг друга. В своем письме в Министерство культуры СССР директор Музея изобразительных искусств в Лос-Анджелесе Кеннет Донэю так оценил выставку «Сокровища скифского искусства»: «Она произвела огромное впечатление на американский народ, возбудив интерес не только к ранней цивилизации южных районов вашей страны, которая была полностью здесь неизвестна, но также к истории, жизни и культуре Советского Союза в целом. Мне сообщили крупнейшие фирмы, продающие книги в нашей стране, что в период показа здесь выставки в магазинах были распроданы все книги о Советской стране; руководители библиотек говорили мне, что в этот же период заметно увеличился спрос читателей на литературу не только по археологии, но и по истории, экономике и культуре. 178 тысяч посетителей выставки — это в том числе люди, приезжавшие из таких отдаленных штатов, как Аляска, Гавайские острова, Монтана и Техас. Выставка достигла той цели, на которую мы рассчитывали,— то есть пробуждения в сознании жителей западной части Соединенных Штатов интереса и лучшего понимания Советского Союза».

Наша страна — и государственные органы культуры, и Академия художеств СССР, и Союз художников СССР — всегда не только активно участвовала в международном выставочном обмене, но, можно сказать без преувеличения, являлась инициатором и организатором многих мероприятий, которые способствовали развитию того благотворного процесса, о котором говорилось выше.

Читателю, видимо, будет интересно узнать, что за прошедшее пятилетие только по линии Министерства культуры СССР во многие страны мира было направлено почти 200 художественных выставок советского изобразительного и декоративно-прикладного искусства, русского и западноевропейского классического искусства, музейных ценностей. За этот же период в Советском Союзе было принято 149 выставок из 114 стран.

В США экспонировалась выставка шедевров живописи из музеев СССР, в Японии — выставка, получившая название «100 шедевров из собрания музеев СССР», в Италии —«Русская живопись с древнейших времен до наших дней», в Соединенных Штатах Америки, Франции, Болгарии — уникальное собрание древних ценностей скифского искусства. На днях эта экспозиция открывается в Польше, затем отправится в Чехословакию и Югославию. Перечисление ценнейших по своему составу музейных выставок, отправившихся в эти годы за рубеж, можно продолжить. При этом не следует забывать, что в то же самое время в различных странах были показаны многочисленные выставки произведений советских художников.

Вспомним и некоторые выставки из-за рубежа, ставшие подлинным явлением в культурной жизни столицы и некоторых других городов нашей страны. Это «Сто картин из собрания нью-йоркского музея Метрополитен», «Сокровища гробницы Тутанхамона» из Египта, живопись и графика В. Ван-Гога из Нидерландов, две выставки шедевров западноевропейской живописи из США, организованные с участием д-ра Арманда Хаммера. Фракийское искусство из Болгарии, показ бессмертного творения Леонардо да Винчи портрета Джоконды и многие другие.

Не десятки и даже сотни тысяч, а миллионы любителей искусства в нашей стране и за рубежом получили возможность непосредственно познакомиться с великими творениями человеческого гения.

Обмен выставками сейчас вошел уже в обиход международных культурных связей. Но сам процесс организации обмена далеко не прост и требует серьезной финансовой, юридической и научно-технической разработки. Это то, что не видно посетителю музейных залов. Вспомните сенсационное «появление» в Москве Моны Лизы — это был прекрасный праздник искусства! Но для того, чтобы он состоялся, московские инженеры и рабочие должны были в кратчайший срок соорудить специальную капсулу для показа картины, в которой знатная гостья столицы была бы надежно защищена и вместе с тем хорошо обозреваема, капсулу, в которой поддерживался постоянный температурный режим и заданная влажность воздуха. «Покой» Джоконды охраняли несколько телекамер и сигнальных устройств. Нужно сказать, к чести наших советских специалистов из разных министерств, ведомств и предприятий, что справились они со своей задачей блестяще. Кстати, сейчас у себя дома в Лувре Мона Лиза экспонируется так, как это впервые было сделано в московском Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Не видимы для зрителей и все сложности со страхованием шедевров, которые часто большим финансовым бременем ложатся на организаторов обмена и в немалой степени затрудняют его осуществление, так же, как и сложности транспортировки, охраны и т. п.

Все это очень важные вопросы. И не случайно они нашли отражение в тексте Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот документ призывает государства-участники изучать «...новые способы страхования произведений искусства на выставках за рубежом и снижения риска повреждения или утраты, которым подвержены эти произведения в связи с их перемещением». Советские государственные органы культуры немало уже сделали для осуществления этих рекомендаций на практике. Лучшие музеи мира предоставляют нам свои шедевры, будучи уверены в их сохранности.

Сейчас много говорится и пишется о том, что дал первый год, прошедший после успешного завершения в Хельсинки общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мы все являемся свидетелями его благотворного влияния на расширение и углубление обмена между странами ценностями культуры. Это и есть результат материализации разрядки. Вместе с тем сам интенсивный культурный обмен — важная составная часть активного утверждения отношений доверия и сотрудничества между народами. Обмен художественными выставками является лишь небольшой частью общего процесса развития культурных связей. Но и на его примере видны реальные результаты тех положительных сдвигов и изменений, которые произошли в этой области за год после Хельсинки.

У нас уже есть перспективные планы обменов художественными выставками, рассчитанные на несколько лет вперед, с нашими американскими, французскими, японскими коллегами, с государственными органами культуры братских социалистических стран. Разрабатываются такие планы и с другими странами.

Леонид Ильич Брежнев в речи на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы образно сказал об исключительной важности создания материальной ткани мирного сотрудничества в Европе, ткани, «которая укрепляла бы связи между европейскими народами и государствами, делала бы их все более заинтересованными в сохранении мира на долгие годы вперед».

Эль Греко. 1541—1614.

БОГОМАТЕРЬ СО СВЯТОЙ ТЕКЛОЙ И СВЯТОЙ ИНЕССОЙ.
Ок. 1597—1599.

Национальная картинная галерея.
Вашингтон.

Франсиско Гойя. 1746—1828. ДОНЬЯ АМАЛИЯ БОНЕЛС ДЕ КОСТА. Ок. 1805.

Детройтский институт искусств. Детройт.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

«Люди! Везучие, невезучие, терпеливые, нетерпеливые, хорошие мои! Послушайте меня. Это же так просто: найти себя и не терять своих надежд». Такими словами заканчивается новый роман в новеллах Владимира Федорова «Люди с улицы Ясной».

Автор как бы полемизирует с поверхностным взглядом на жизнь, со скоропалительными оценками ее превратностей. В новеллах-главах писатель пристально всматривается в судьбы своих героев. И мы еще раз убеждаемся, что действительно в жизни не все «так просто», хотя у каждого человека есть свое счастье, своя любовь, дружба, упоение делом, которому он служит. Особенно не просто у многих из тех, чья юность была захвачена вихрем Отечественной войны или чье детство выпало на тяжкие годы ликвидации послевоенной разрухи.

В романе Владимира Федорова мы знакомимся с нашими современниками, людьми разных поколений, разных характеров и совсем несхожих судеб. Каждая очередная новелла имеет особый сюжет, фокусирует внимание на новых героях, однако сквозь весь роман проходит образ композитора Валериана Бурлацкого, бывшего фронтовика, человека доброго и отзывчивого. Хорошую интонацию придает роману история молодого москвича Кирилла и девушки с Рязанщины Вики; их нечаянное знакомство, нежданно вспыхнувшая любовь, чистота помыслов и устремлений — несомненная удача автора, как и удачно своей естественностью вплетение в повествовательную ткань судеб рабочей семьи Кольчиковых, Героя Труда Родиона Перегудова, работницы телевидения Лины и других. Повествование отмечено точными наблюдениями, запоминающимися деталями быта и времени, меткими характеристиками и сложными сгустками человеческих отношений. Каждая новелла-глава несет в себе определенную философско-смысловую нагрузку, что-то важное утверждая или отрицая. Например, глава «Свет беспокойной памяти» рассказывает, как спустя тридцать лет собрались в родной школе-десятилетке выпускники грозного сорок первого. Время и особенно война многих не пощадили. Их имена звучат на перекличке с неподдельной скорбью, а живые отчитываются о пройденном пути....

Владимир Федоров более известен читателям как поэт, хотя в свое время хорошо была принята его первая прозаическая вещь — повесть «Сумка, полная сердец» о сельском почтальоне тетке Арине и ее непростой жизни. Роман «Люди с улицы Ясной» чем-то сходен с упомянутой выше повестью — новеллистичностью, чистотой и образностью речи. В его языковой основе явственно прозвучал поэтический дар автора. И это наделяет произведение особой привлекательностью.

Владимир Федоров. Люди с улицы Ясной. «Москва» № 2, 1976.

Иван СТАДНЮК

РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

Все лучшее, что сделано в литературе Иваном Кычаковым, талантливым, безвременно ушедшим из жизни человеком, посвящено раскрытию объемной, многогранной историко-революционной темы.

Повести Ивана Кычакова, вошедшие в две книги писателя, «Невский лед» и «Три мандарина», с их интересно построенным сюжетом, созданы в том нравственно - психологическом плане, когда изображение событий не заслоняет главного — людей, творящих эти события. И каких людей! Гордых рыцарей революции, мужественных, бесконечно преданных светлым идеалам. Ничто — ни ссылка, ни каторга, ни многолетнее заточение в сырых казематах Шлиссельбурга — не заставит отречься их от борьбы. В ней видят высший, единственно возможный смысл своей жизни и девушки-политкаторжанки, совершающие немыслимо дерзкий побег из московской женской пересыльной тюрьмы (повесть «Тринадцать»), и замечательный революционер, саратовский семидесятник Петр Поливанов, герой повести «Слепая птица». Это его Вера Фигнер назвала «одним из самых симпатичных людей революционного лагеря». В борьбе, требующей полной отдачи моральных и физических сил, закалялся характер героев повестей «Невский лед», «Три мандарина», «И снег и ветер», незавершенной документальной повести «Волшебная стрела», рассказывающей о профессиональном революционере, первом директоре московского завода «Фрезер», верном ленинце Рудольфе Яновиче Тольмаце.

Иван Кычаков изображает своих героев, людей, чьи светлые образы пришли к нам еще со страниц школьных учебников, просто и в то же время возвышенно. Это самые обыкновенные, земные люди, но осененные верой в торжество добра и справедливости. Обращаясь в некоторых повестях к личности Владимира Ильича Ленина, писатель находит слова, идущие из глубины сердца. Не в ореоле величия встает перед нами вождь пролетариата, а видится живым и близким человеком.

Иван Кычаков. Невский лед. М., «Советский писатель», 400 стр.
Иван Кычаков. Три мандарина. М., «Современник», 1975, 224 стр.

Валентина ЛЕВОЧКО
г. Кировоград.

Герой Советского Союза Виктор Васильевич Талалихин.

НОЧНОЙ ТАРАН

7 августа 1941 года Совинформбюро сообщило о ночном налете гитлеровской авиации на Москву. В сводке говорилось: «По неполным данным, сбито 6 немецких самолетов. Наши потери — 1 самолет. Летчик, протаранивший этим самолетом бомбардировщик противника, спасся на парашюте». Этот подвиг — первый в истории авиации ночной таран — совершил комсомолец Виктор Талалихин.

В те дни с закатом солнца над столицей, словно гигантские рыбы, всплывали аэростаты заграждения. Нацеливались в небо стволы зенитных батарей, изготовлялись к действию подразделения прожектористов. На подмосковных аэродромах круглые сутки дежурили истребители.

Дежурил в кабине своего истребителя и младший лейтенант Виктор Талалихин. Его путь в авиацию был таким же, как и у большинства сверстников. Сначала, работая на производстве, занимался в кружке планеристов, потом закончил аэроклуб и поступил в Борисоглебскую авиационную школу имени В. П. Чкалова. Так в семье Талалихиных все сыновья стали крылатыми: старший, Александр, летал бортмехаником на боевом самолете, Николай был морским летчиком, а Виктор — летчиком-истребителем.

Ночь с 6 на 7 августа выдалась теплая, лунная. Дежурные истребители стояли на краю летного поля. Рядом с Талалихиным самолеты его ведомых А. Д. Печеневского и П. И. Фунтова. Время близилось к полуночи, когда на командный пункт полка поступило сообщение: «В квадрате 82 появились самолеты противника, высота четыре тысячи метров».

Истребители, взревев моторами, поднялись в воздух и словно растаяли в ночи. Талалихин вел свой самолет в заданный квадрат с набором высоты.

Летчик до боли в глазах всматривался в темноту. Он помнил правило: первым увидеть врага — значит уже наполовину победить его. Талалихин поднялся еще на 500 метров и тут заметил голубоватые огоньки выхлопов работающих моторов, а затем и силуэт самолета. Вот он! Талалихин двинул вперед сектор газа, и расстояние между машинами стало заметно сокращаться. Виктор открыл огонь, пулеметная очередь хлестнула по самолету противника, но он продолжал лететь. Фашистский пилот был опытен: искусно маневрируя, каждый раз увертывался. Талалихин шестой раз атаковал его, нажал на гашетку пулеметов, но выстрелов не последовало — кончился боекомплект. Тогда советский летчик превратил свой самолет в оружие.

«...Решив винтом обрубить противнику хвост, я стал вплотную подбираться к нему,— рассказывал потом Виктор.— В это время враг дал очередь из крупнокалиберного пулемета—мне обожгло правую руку. Сразу дал газ и уже не винтом, а всей своей машиной протаранил врага. Послышался треск. Мой «ястребок» перевернулся вверх колесами. Надо было скорее выбрасываться с парашютом».

Талалихин опустился под парашютом в озеро, которое, к счастью, оказалось неглубоким. Раненый летчик выбрался на берег, и его вскоре отыскали местные жители. Они заметили в лунном небе парашют. Талалихина перевязали, накормили, доставили на аэродром.

Родина высоко оценила подвиг летчика-комсомольца. В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

27 октября 1941 года Герой Советского Союза Виктор Талалихин не вернулся с боевого задания. В неравной схватке с врагом он отдал свою молодую жизнь за Москву, за Родину.

А. ГОЛИКОВ

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мрак рассасывался все больше, хотя до солнцевосхода было еще далеко.

Магомедов, Иван и Семен, подкатив орудие к самому брустверу, подтащив несколько ящиков снарядов, лежали вместе с Ружейниковым на земляном валу, окружавшем бывшую батарею, смотрели вниз, за речку, где шел бой, бессильные что-либо предпринять. Все заречье было затянуто дымом и пылью: где там немцы, где наступает какая-то наша часть,— нельзя было разобрать.

Гул на западе все приближался, то затихал, то начинался снова, небо там смеркло, стало угрюмо-серым, только временами мерцало желто-голубыми отсветами — видимо, немцы, а возможно, и наши где-то далеко, за горизонтом, залитым еще ночью, подвешивали осветительные бомбы.

Неожиданно совсем близко, почти под боком, возникла орудийная канонада на востоке. Ружейников вскинул голову, пошевелил грязными бровями, а ноздри его сильно, как у зверя, нюхающего пожар, стали раздуваться.

— Это ж наша дивизия!— воскликнул Иван обрадованно.

— Вроде бы, вроде бы...— дважды повторил Ружейников торопливо.

Немцы продолжали лихорадочно окапываться по обоим берегам речки. Магомедов заерзал по земле, будто ему стало холодно, нетерпеливо взглянул на Ружейникова раз, и другой, и третий. Но тот молчал.

Семен глядел вниз, почти не мигая, не чувствуя в душе ничего — ни боязни возможной гибели, ни радости возможного спасения, которая прозвучала в голосе дяди Ивана, в торопливых словах Ружейникова. В мозгу вертелась одна мысль, тоже какая-то посторонняя, равнодушная: «Танком бы пронестись сейчас вдоль берега по немцам... Одним танком можно бы всю эту их оборону смести...»

— Их атака захлебывается! — нетерпеливо взорвался сбоку азербайджанец.— Пора мало-мало подмогнуть! Может, совсем мало-мало надо!

— А, Иван Силантьевич? — почему-то неуверенно и почему-то именно к Ивану повернулся Ружейников. Может, потому, что Иван был самый старший по возрасту среди них, четырех.— Пора?

— Да вроде,— сказал тот, помедлив.— Только если б Алифанов был...

— Какой еще Алифанов?— вскричал азербайджанец.

— Погиб он. Из пушки мог в консервную банку попасть. А то здесь чуть перелет — и в наших. Речка-то всего ничего...

Магомедов так и взвился:

— Какой перелет? Я что — дурак, да?! Алифанов твой умный, я — болван?! Какой перелет?

Не обращая внимания на эту перебранку, Ружейников продолжал глядеть вниз. Там, за речкой, между болотом и кромкой леса бой, кажется, затихал, и атака штрафников или какой-то другой части действительно захлебывалась. Вражеские пушки, бившие в болото, одна за другой умолкали, лес теперь во многих местах горел, в сером утреннем небе, снова застилая его чернотой, расползались все шире клубы дыма, а по берегу над самой землей извивались, как змеи, расползались контрастно белые космы дымовой завесы, сквозь нее толпами все бежали и бежали немцы, зарывались в землю на обоих берегах.

— Магомедов! — воскликнул Ружейников.— Можешь по тому берегу ударить? Под кромку завесы? Не дальше?

— Могем! Почему не могем? — коверкая в волнении слова, ответил бывший командир самоходки.

— Тогда давай!

Магомедов по-кошачьи прыгнул с бруствера к пушке и, выгнув горбом спину, приник к резиновому наглазнику панорамы, лихорадочно закрутил рукоятки маховиков. Ствол пушки медленно пополз вниз и чуть в сторону.

Первый снаряд упал в речку, подняв высокий и красивый султан воды.

— Перелету нет, правда,— пробурчал Иван, дергая замок. Прозрачно дымясь, горячий латунный стакан выпал на землю. Семен, стоящий наготове с новым снарядом, отбросил ногой гильзу в сторону.

— Счас, счас,— дважды выдохнул Магомедов, не отрываясь от прицельного устройства, подкручивая маховичок. По грязной щеке его текла струйка пота.

— Чуть выше, Магомедов! — вскричал Ружейников.

— Сами понимаем! Ну?

— Готово! — ответил Иван, захлопывая замок.

Этот второй снаряд разорвался уже прямо в гуще окапывающихся на том берегу немцев.

— Ага-а! — взвизгнул Магомедов, повернув к Ивану потное лицо, сверкнул по-детски обрадованными глазами.

— Молодец, Магомедов! — прокричал Ружейников.— Лупи давай! Ж-живей!

— Консервная банка, да? Консервная банка?

— Банка,— согласился Иван, принимая от молчаливого Семена новый снаряд.— Готово!

Третий снаряд лег почти рядом со вторым, широким веером взметнул черную землю.

— Опять — банка! Дав-вай! — Голос Магомедова был хриплый и возбужденный.

Первые же орудийные выстрелы всполошили немцев, уже перебравшихся через реку. Многие перестали окапываться, забегали, заметались вдоль берега, сперва не соображая, видимо, откуда стреляют. Но это были лишь мгновения, звук последующих выстрелов указал на местонахождение орудия. Человек сорок вражеских солдат сбилось в кучу, видимо, возле своего офицера, и Магомедов, не в силах побороть искушения, крикнул:

— Я их подброшу сейчас на воздух! Товарищ старший лейтенант!

— Отставить! По тому берегу! По тому давай!— сердито прокричал Ружейников.

Но ударить в эту толпу немцев Магомедов все равно бы не успел, потому что она рассыпалась в цепь и двинулась к высоте.

— Ага, ладно...— Ружейников, все лежавший на бруствере, сполз с него в окоп.— Продолжать, Магомедов! А мы их встретим. Савельев, младший! Приготовить автоматы и гранаты!

Семен подал Ивану очередной снаряд, мотая головой, спрыгнул в окоп.

Однако немцы, подчиняясь какой-то команде, вдруг повернули назад, побежали к реке.

И Ружейников, все наблюдавший за ними с высоты, понял причину этого: окапывающиеся на противоположном берегу гитлеровцы выскакивали из своих окопчиков, отстреливаясь, бежали к реке вместе с редкими толпами солдат, вываливающимися из месива черного и белого дыма, а где-то там, за пластами этого дыма, перекрывая трескотню автоматов и глухие гранатные разрывы, снова возникал остервенелый и зловещий рев сотен человеческих глоток.

— А ведь мы и в самом деле вовремя, кажись, поддержали их,— прохрипел Иван, взмокший от работы возле орудия. Он сказал это Семену, опять подававшему снаряды, но тот ничего не ответил, только потрогал правый висок, ответил Магомедов от орудия, говоря почему-то о себе во множественном числе:

— А мы что говорили!

— Магомедов! Теперь по реке! По реке! И по этому берегу! — скомандовал Ружейников.

— Ага, понятно.

— Снаряд! Семка?! Ты чего?

Семен, выхватив было из ящика очередной снаряд, покачнулся, выронил его, ноги его подломились, он мешком свалился на землю.

— Сна-аряд! — рявкнул Магомедов.

Ружейников метнулся из окопа, подхватил выпавший из рук Семена снаряд, втолкнул в казенник. Пушка ухнула. Лицо Семена, лежавшего на земле, мучительно перекосилось. Оно, его лицо, было мокрое, и сквозь грязь и пороховую копоть просвечивала мертвенно-бледная кожа.

— Семен, Сема?! — тормошил его Иван, стоя на коленках.— Ранен, что ли? Не стрелял ведь никто...

— Здесь... в голове что-то,— разжал заскорузлые губы Семен.— При каждом выстреле — как молотком бьет, череп лопается... Не могу больше...— И вдруг полыхнул в его глазах безумный огонь, он закричал умоляюще, заколотился на земле:

— Не могу! Пусть не стреляет! Пусть не стреляет!

— Снаря-яд! — снова прокричал Магомедов.

Семен от этого вскрика замолк, сжал грязными руками голову, сжался весь сам, будто ожидая, что на него рухнет тяжкая скала, и когда раздался выстрел, пополз куда-то, тыкаясь головой в землю, пытаясь ее куда-нибудь спрятать, зарыть.

— Сема?!

— Что там?— крикнул от пушки Ружейников, держа в руках новый снаряд.

— Плохо парню. Контузия... рвет голову.

Семен не видел, куда полз, не почувствовал, что свалился в окоп. Там, все так же зажимая руками голову, превратившуюся, видимо, в сплошной комок боли, ткнулся лицом в холодную земляную стенку и затих. Иван подтянул плащ-палатку, на которой они сегодня спали, укрыл его целиком, проговорил:

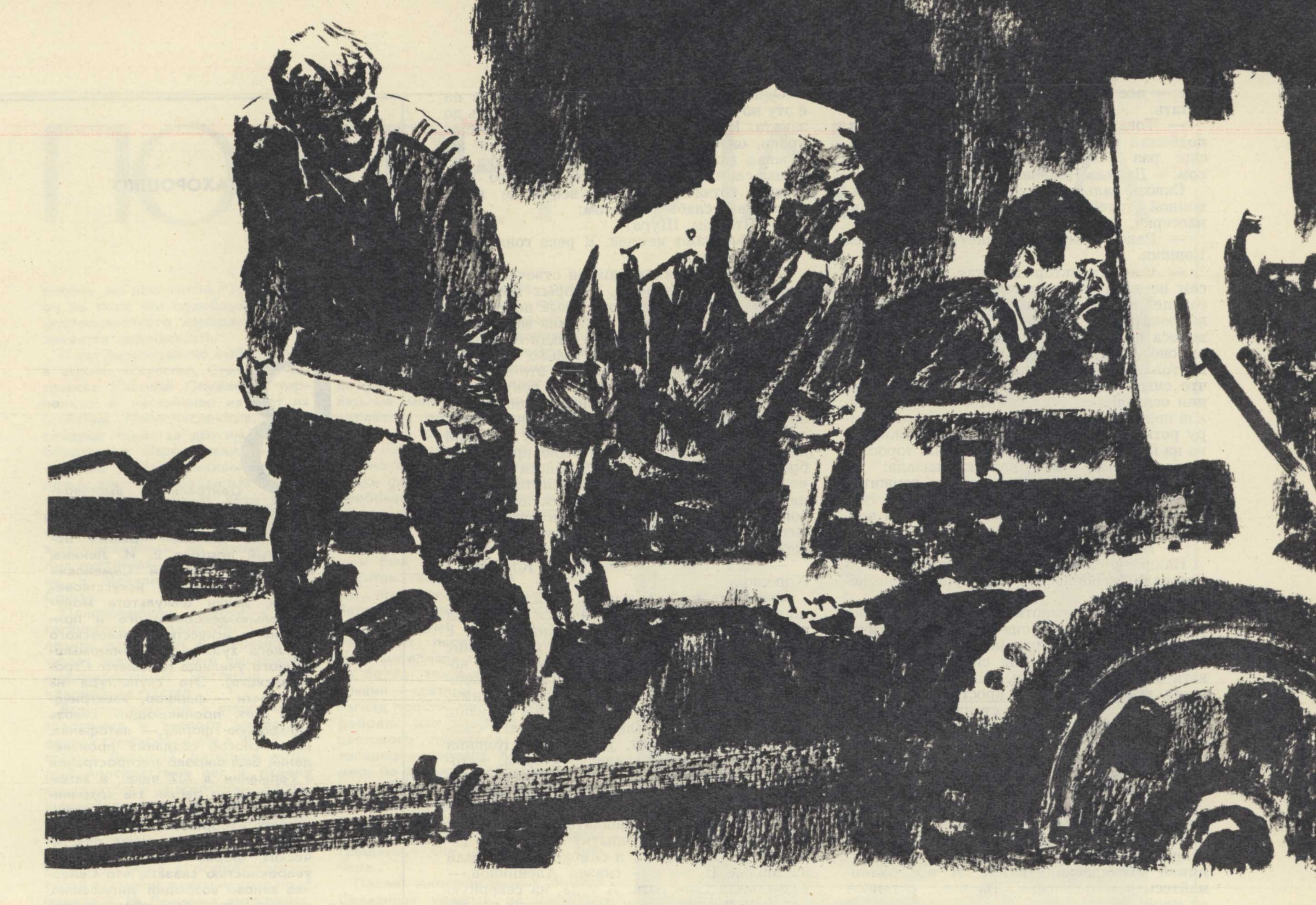
— Ничего, Семка... Как же не стрелять? Ничего, пройдет. Потерпи.

Этого Семен уже не слышал, он снова потерял сознание.

Поднявшись из окопа, Иван замер, пораженный. И всего-то ничего он был занят с

ВЕЧН

Продолжение. См. «Огонек» № 18—31.



Семкой, а там, внизу, изменилось многое. Оттуда, в промежутке между орудийными выстрелами, все так же доносились автоматная пальба, рев голосов, щелкали изредка гранатные разрывы. Их единственная пушка била уже не по реке, а по ближнему берегу, узенькая лента речки была сплошь застлана дымом, и там, справа, где дым стоял пореже, на бледно-серой поверхности воды ясно различались темные, бесформенные комья. Это вниз по течению сплывали трупы, видимо, и наших и вражеских солдат.

Пушка ударила еще раз, и Ружейников, тоже взмокший теперь и разопревший, отирая рукавом лоб и щеки, опустился на пустой снарядный ящик.

— Будет покуда. А то в своих... Ни черта не видно.

«Слава богу»,— мысленно произнес Иван, думая о Семене, присел на другой.

Ружейников проговорил эти слова и вскочил резко.

— А может, не будет, а?

Во время торопливой стрельбы по немцам все ничего не видели и не слышали, кроме звуков боя, идущего там, внизу, за рекой. Теперь вдруг все различили тяжелый гул, быстро приближающийся с востока. Орудийная канонада, возникшая было там, давно смолкла. Ружейников, Магомедов и Савельев Иван в горячке этого не заметили и давно о ней забыли. Теперь, все враз глянув туда, увидели пронизанные лучами еще не поднявшегося из-за края земли солнца розовые дымы, такие же, как над рекой и над заречьем, ощутили, как под ногами чуть подрагивает земля.

— Это танки, — произнес первым Иван.— Сюда идут опять танки.

— Если это наши прорвались, то хорошо,— криво усмехнулся Ружейников.— А ежели немцы отступают прямо на нас... Что мы с одной пушкой?

Магомедов отбежал метров на тридцать в сторону, к разбитым орудиям батареи, и, взмахнув рукой, закричал оттуда:

— Глядите! Глядите!

Иван и Ружейников кинулись к Магомедову на восточный склон высоты. Изрытое снарядами поле с темной каймой леса на багрово-дымном горизонте тонуло в синей рассасывающейся мгле, и по всему полю, приближаясь к высоте, густо бежали отступающие немцы. Никаких танков не было видно, по-прежнему слышался лишь тупой гул множества работающих моторов, он приближался, накатывался неотвратимо...

* * *

Капитан Кошкин умирал в санитарной палатке в присутствии Якова Алейникова.

Командир штрафной роты был смертельно ранен осколком снаряда в тот момент, когда последние бойцы, преодолев топь, выскочили на твердый берег и с отчаянной руганью кинулись в дым и грохот, в сторону горящего леса.

— Хорошо матерятся,— улыбнулся Кошкин, тоже направляясь к освещенному горящим лесом берегу вслед за Лыковым, тыкая палкой в зыбун.— Значит, вычистят фашистов отсюда. Дурачье, если ждали нас, почему же не заминировали берег?

С этими словами он вступил на твердую почву, вынул ракетницу, стал, не торопясь, заряжать ее, поглядывая в сторону леса, утонувшего в дыму, огне и грохоте. Тут и разорвался снаряд, может быть, немецкий, а может быть, и наш, метрах в пяти всего от Кошкина и почти под самыми ногами Лыкова. Но судьба на войне у каждого своя: старшего лейтенанта Лыкова горячей волной только отшвырнуло на мягкий берег, а Кошкину осколок ударил прямо в живот. Выронив ракетницу, Кошкин резко упал на колени, одной рукой зажал рану, а дру-

ЫЙ ЗОВ

гой — все опирался на палку, намереваясь встать.

— Товарищ капитан?! — вскочил Лыков, подбежал к Кошкину и остолбенело замер, еще раз вскричал сразу осевшим голосом:— Данило Иванович...

Сквозь пальцы Кошкина хлестала кровь, темной струей текла на землю по низу гимнастерки.

— Ракету! Живо — ракету! — захрипел Кошкин.

— Санинструктор! Эй, как тебя? — совсем не по-военному закричал Лыков выбегающей из болота девчонке, нашарил в траве ракетницу, выстрелил вверх — зеленая полоса прочертила дымный воздух, ушла высоко в черное ночное небо. Кошкин еще постоял секунду и, будто удостоверившись, что сигнал нашей артиллерии о прекращении огня подан, стал валиться наземь. Лыков подхватил его, и в это время к командиру роты подбежали сразу три девчонки, одна из них, высокая и черноволосая, торопливо расстегивая сумку, властно сказала:

— Положите его! Чего вы его держите?

Помогая друг другу, девушки расстегнули Кошкину ремень, открыли живот, и черноволосая невольно вскрикнула:

— Боже мой!

Наши орудия прекратили огонь, теперь стреляли беспорядочно лишь уцелевшие немецкие пушки.

Откуда-то из темноты появился начальник санчасти, вчетвером они принялись чем-то мазать и залеплять страшную рваную рану и, подсовывая руки под спину, перематывать Кошкина бинтами. Они бинтовали, а кровь все проступала и проступала. Командир роты сквозь зубы стонал; глаза его были закрыты, лицо залила смертельная бледность.

— Отнесите его туда...— Лыков махнул в сторону болота.— Есть носилки? Принесите носилки!

— Нельзя его трогать! — сказал начальник санчасти.— Нельзя нести...

— И бесполезно...— прошептал Кошкин, открывая глаза.—Я это знаю... Лыков, принимай командование ротой. И все... занимайтесь чем положено. Ты вот... останься со мной.

Это он сказал склонившейся над ним черноволосой девушке.

Бой тогда только разгорался, немецкие пушки беспрерывно молотили по краю болота, болотная жижа и вырванные взрывами кустарники поднимались в мерцающий воздух сплошной стеной.

— В болоте бойцов уж нет,— сказал Кошкин, глядя на эти взрывы.— Сколько лягушек изведут?

С каждой минутой немецкие пушки стреляли все реже и реже, орудийные раскаты уже не перекрывали рев автоматов и человеческих голосов.

— Ну... вот,— тяжко дыша, проговорил Кошкин.— Штрафнички дело свое знают. Как звать-то тебя?

— Шура, Александра,— сказала девушка, обтирая кусочком бинта крупные капли пота с лица командира роты.

— Откуда же ты?

— Смоленская я... До войны в медицинском училась в Москве. Три курса закончила.

— На дочку мою ты похожа.

Кошкин еще помолчал, прикрыв глаза, слушая звуки беспощадного боя.

— Вот что, Шура-Александра...— неожиданно сказал командир роты. В груди его что-то клокотало и рвалось.— Я все прошел и ничего на свете не боюсь... Но в плен к немцам не желаю. Вроде... атака наша удалась, не зазря в землю ложимся. Но все в бою бывает переменчиво. И ежели что... ты меня пристрели. Поняла?

— Что вы, товарищ капитан! Ничего не переменится. Рота уничтожит их.

— Ты не отговаривайся, дочка,— все слабеющим голосом проговорил Кошкин.— Я сейчас, чувствую, потеряю сознание... И если что... ты это сделаешь. Так и так мне помирать. Хоть здесь, хоть там, у них. Но я не хочу там... И ты это должна понять.

— Я понимаю... понимаю,— со слезами шепотом произнесла девушка.

Однако Кошкин не потерял сознание ни в эту ночь, ни на следующий день, вплоть до заката. Несмотря на немыслимую потерю крови, он был жив, только временами закрывал глаза, будто засыпал, но едва девушка-санинструктор делала какие-то движения, тотчас размыкал вспухшие веки, спрашивал слабым голосом:

— Что там, Шура?

— Выбивают немцев. К реке гонят.

— Хорошо.

Этим словом «хорошо» он отвечал потом на сообщения связных, которых присылал Лыков, что рота, неся огромные потери, оттеснила немцев к реке, но атака захлебывается, что с высоты ударила какая-то оказавшаяся там наша батарея, только стреляют одной или двумя пушками, и это помогло роте отбросить гитлеровцев за реку, что с востока началось наступление наших войск, но рота, обескровленная больше чем наполовину, все-таки пробилась за реку, ударила на высоту, а затем, как и было приказано, бросилась навстречу отступающим немцам, но бойцы гибнут, что вместо убитого командира одного из отделений он поставил рядового Зубова, отличившегося при штурме вражеских позиций на берегу болота, при форсировании реки...

— Ага, Зубов,— повторил Кошкин.— Хорошо...

Бой этот вокруг высоты 162.4 продолжался много часов и закончился далеко за полдень, когда прорвались наши войска с запада и, сомкнувшись где-то на окраине Жерехова и по левому берегу речки, за которую штрафная рота отбросила оборонявшихся здесь гитлеровцев, с наступающими, но выдохшимися уже частями 215-й дивизии, зажали немцев в кольцо, начали его сжимать. Таким образом, умирающий Кошкин вместе с девушкой-санинструктором, находившиеся на правом берегу, оказались в тылу наших наступающих войск, и связные сюда больше не прибывали.

— Часов в четырнадцать немцы предприняли отчаянную попытку вырваться, собрали остатки танков и самоходок, ударили на Малые Балыки,— сказал Алейников.— Где стояла твоя рота. А туда, на северную окраину, подполковник Демьянов как раз перенес свой КП.

— Вон что! — произнес Кошкин. Он лежал по-прежнему на земле, застланной двумя или тремя суконными одеялами, укрытый шинелью. Грудь его толчками вздымалась.

— Да... я сейчас из штаба дивизии. Демьянова похоронили.

— Как же это... как же это?! — дважды слабо воскликнул Кошкин, облизнул сохнувшие губы. Шура, все находившаяся при командире роты, уставшая, с почерневшими глазами, дала ему глотнуть из алюминиевой кружки.

— Та девушка-телефонистка, помнишь, черноглазая такая, красивая... тоже... В одну могилу их положили. Танки с ходу раздавили гусеницами землянку. Они даже выскочить не успели.

Кошкин никак на это не откликнулся, прикрыл глаза. Но через несколько мгновений их открыл, долго смотрел на девушку-санинструктора.

— Устала? — вдруг спросил он.

— Что вы, товарищ капитан...

— Да, война... Ты встретил своих людей из-за фронта? — Он взглянул на Алейникова.

— Встретил... А через два-три дня сам туда ухожу с группой.

— Понятно,— спокойно произнес Кошкин.— Ваше дело такое...

— У всех у нас одно сейчас дело.

— Сейчас,— усмехнулся Кошкин, медленно повернул голову к сидящему на каком-то ящике Алейникову.— Дело у нас всегда одно было.

На скулах Якова, обметанных черной щетиной, возникли и прокатились желваки.

За стенами палатки раздавались голоса девушек-санинструкторов, начальника санчасти, оставшихся в живых бойцов роты, стоны и смех раненых, скрип тележных колес. Тут, на берегу болота, на месте только что отполыхавшего, немыслимого боя, где лежал умирающий командир роты, находилось теперь ее расположение, сюда послезавтра должен прибыть военный трибунал, чтобы рассмотреть и закрыть все дела штрафников. А пока остатки списочного состава роты под руководством старшего лейтенанта Лыкова и старшины Воробьева тщательно, метр за метром обследовали искореженную боем землю, болотные тропы, стаскивали и свозили убитых в одно место, раненых в другое — к наспех разбитым палаткам, точно таким же, в которой лежал Кошкин. Бойцы, которых чудом миновали в этом бою пули и осколки, делали все это с энтузиазмом, старательно, понимая, что они теперь свободны. Убитых предстояло до захода солнца похоронить, тяжелораненых — отправить в армейский госпиталь, легкораненым оказывалась помощь на месте.

— Гляди, Кафтанов, кореш твой, Гвоздь, концы отдал! — послышалось невдалеке.

— А Зубов где? Макар?

— Заткнись! — рявкнул кому-то Макар.

Капитан Кошкин, услышав эти возгласы, чуть скривил потрескавшиеся от сжигавшего его огня губы.

— Остался на земле, подлец...

Алейников понял, что он говорит о Кафтанове.

Игорь ЗАХОРОШКО

В Центральном выставочном зале Москвы, в экспозиции, посвященной XXV съезду КПСС, внимание зрителей привлек необычный портрет В. И. Ленина. Его создал Николай Семенович Селезнев, кандидат искусствоведения, декан факультета монументально-декоративного и прикладного искусства Московского высшего художественно-промышленного училища (бывшего Строгановского). Это скульптура на плоскости — фарфор, электрический свет, проникающий сквозь рельефную форму,— литофания. Такой способ создания произведений был широко распространен в Германии в XIX веке, а затем основательно забыт. Не сохранились ни техника перевода графического изображения в объемное, ни секреты изготовления пластических форм. Теперь можно с уверенностью сказать, что Селезнев заново возродил литофанию, открыл и творчески обогатил этот вид искусства.

...А началось увлечение давно, пожалуй, еще в детстве, когда он побывал в знаменитых Горках Ленинских. Там он увидел портрет вождя, сделанный из воска с подсветкой. Это был подарок рабочих «Гознака». Произведение так потрясло воображение, что запом-

ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА

нилось на всю жизнь. Тогда еще он не знал, что подобный способ художественного изображения называется церофанией.

И вот окончательно выбран путь в жизни: искусство. Стекло и керамика. Николай Семенович терпеливо и настойчиво изучает их свойства. Многочисленные опыты следуют один за другим — в лабораториях Строгановки, на Дулевском и Дмитровском фарфоровых заводах. Созданные Селезневым декоративные вазы украшают зимний сад Дворца съездов, кинотеатр «Россия». Его работы экспонировались на промышленных выставках в Париже и Лондоне, в Москве и других городах Союза.

Одновременно с этим — педагогическая деятельность. Н. С. Селезнев преподает в Строгановке, читает лекции, готовит высококвалифицированных мастеров прикладного искусства.

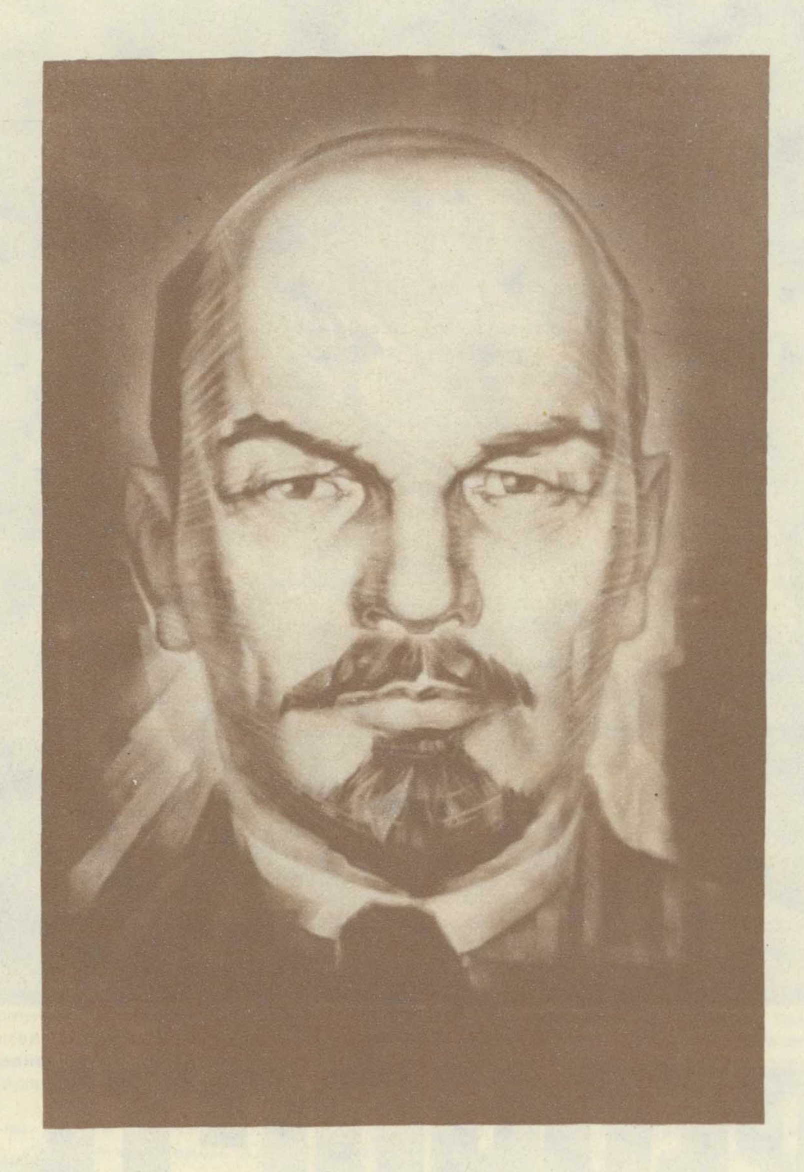
Важное значение в становлении художника и ученого имела годичная стажировка его в ЧССР. Он собрал большой материал, который впоследствии лег в основу кандидатской диссертации, посвященной декоративным возможностям архитектурно-художественной керамики.

И вот, наконец, Селезнев вплотную приступил к осуществлению своей заветной мечты — созданию образа В. И. Ленина в литофании. Известно немало превосходных портретов В. И. Ленина, выполненных такими выдающимися мастерами, как Андреев, Альтман, Жуков, Бродский и другие. Важно было не повториться, найти свое собственное пластическое решение. Селезнев просмотрел множество рисунков, набросков, скульптурных портретов разных авторов, исторические кинохроники и фотографии Ильича. Это была вдохновенная, всепоглощающая работа. И вот, кажется, найдено то, к чему так стремился художник. Теперь осталось проделать не менее сложную работу — перевести графическое решение в объемное, рельефное. Не просто было найти материал, из которого можно выполнить модель для отливки фарфоровой формы. Перепробовали бесчисленное количество мастик, пока не нашлась подходящая.

Но самым трудным и длительным был поиск оптимальных вариантов изготовления рельефа. Он продолжался не один год. Ведь изображение на просвечиваемой форме создается за счет тональных переходов. Там, где слой материала толще, получаются более темные места, где он тонкий — светлые. На первый взгляд просто. Но попробуйте подобрать для каждого штриха и цветового перехода требуемую толщину материала. Когда, например, по замыслу необходимо было добиться максимального просвечивания отдельных мест портрета, тонкий слой фарфора не выдерживал — деформировал, давал трещины. Все начиналось сначала...

После многочисленных опытов Селезневу удалось на Дмитровском заводе отлить из фарфора небольшой портрет Ленина. Дальше шла работа над его увеличением.

И, наконец, портрет завершен. Он с успехом экспонировался на выставках. А затем художник передал его в дар Центральному музею В. И. Ленина в Москве.



— Может быть, Кафтанов не ранен...

— Все равно... Перед боем было обещано. А у нас это закон.

В палатке появился Лыков — закопченный, в грязной, пропотевшей насквозь гимнастерке.

— Ну, что, Лыков? — спросил Кошкин.

— Товарищ капитан! Данило Иванович... Как же это?

— Давай, постони еще, — опять чуть скривил губы Кошкин. Приближающаяся, неумолимая смерть обострила уже его лицо, оно сделалось серым, бескровным. — Что, спрашиваю, там?

— Доставляем раненых из-за речки. Кончаются перевязочные материалы. Начальник санчасти услал за ними подводу в дивизию. Сам валится с ног... Осмотрим еще высоту — и все. Пока без вести пропавших числится двести восемь человек. Много убитых по речке вниз сплыло, я сам видел. За речкой, может, кто еще лежит.

Кошкин помолчал и вдруг спросил:

— А Зубов... жив, убит?

— Зубов? Пока ни в тех, ни в этих. Последний раз я его где же видел? На том берегу речки, когда он отделение к высоте повел... Мог бы двигаться — объявился уж.

— Понятно... Ты занимайся своими делами. Ступай.

Старший лейтенант постоял еще молчком, повернулся и вышел.

— А Зубова жалко мне, — едва слышно прошептал Кошкин. — Вот тоже судьба человечья... Что, говорит, такое родина, где ее найти? Ты понимаешь? Нет, тебе не понять...

Алейников вспомнил свой недавний разговор с Зубовым и сказал две короткие фразы.

— Я с ним разговаривал. Он заново вроде бы рождался.

— Да... здесь... в роте.

У командира роты началось удушье, на губах появилась розоватая пена, и сидевшая у его изголовья девушка торопливо стерла ее комочком бинта, зло глянула на Алейникова: чего, мол, торчишь тут, не даешь человеку спокойно умереть? Но Кошкин, словно разгадав ее мысли, проговорил:

— Ты, Яков... спасибо, что зашел. Посиди, погляди, как я умру. Не уходи прежде. Это недолго.

Он говорил, а розовая пена выступала на иссохшихся его губах.

— Я, Данило Иванович, просто ощутил необходимость зайти. Прости меня за все, если можешь.

— Да что ты? Эх, Яков... много было таких, как ты... и как я. Почему — я не знаю, не успел этого узнать. Может, что-то стал понимать, да не ясно пока. Другие все поймут, все узнают. Скоро... А я... Одно я знаю твердо — моя судьба все же счастливее твоей.

— Что ж... правильно.

Один из них был здоров и полон сил, другой умирал, был, собственно, уже мертв. Тот, кто был здоров, произнес кощунственные слова, подтвердив, что судьба умирающего все же счастливее, чем его. Но Кошкин согласно кивнул и прошептал:

— Прощай, Яков. До победы доживи. И расскажи обо мне моим... Жене и дочери...

Изо рта у него теперь обильно хлынула кровь, он дернулся, вдруг будто намереваясь встать.

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! — вскрикнула девушка обезумевшим голосом, схватила его за плечи. И он, будто подчиняясь ее рукам, покорно лег, вытянулся и затих.

Едва он затих, девушка обтерла ему губы. Кровь изо рта больше не шла. Девчонка уронила голову на свои колени и беззвучно зарыдала.

Яков Алейников поглядел на ее слабенькие, обтянутые солдатской гимнастеркой, трясущиеся плечи, поднялся и вышел из палатки.

Продолжение следует.

Ал. РОМАНОВ

ПОРТРЕТ

Раздумье о сегодняшнем. Фото Н. Кочнева.

ВЕРНОСТЬ

Ее первой ролью в кино — дебютом двадцатитрехлетней актрисы, выпускницы Государственного института музыкальной драмы, была Аэлита — гордая, неотразимая космическая героиня одноименного фильма, поставленного в 1923—1924 годах кинорежиссером Яковом Протазановым по нашумевшей повести Алексея Толстого «Аэлита», в котором она, юная дебютантка, снималась с такими уже признанными мастерами театра, как Николай Баталов, Игорь Ильинский, Юрий Завадский, Константин Эггерт. Фильм обошел чуть ли не все экраны страны, его увлеченно смотрели взрослые и дети, проникаясь необычайной романтикой сюжета и не замечая ни наивности содержания, ни беспомощности оформления. Признаюсь, для людей моего поколения, для безусой молодежи двадцатых годов, Аэлита какое-то время была звездной мечтой, идеалом женской красоты и совершенства. Но примерно в том же году актриса, пленившая многих, появилась и еще в одном фильме: им была «Папиросница от Моссельпрома» кинорежиссера Юрия Желябужского. И те из нас, кто до этого видел «Аэлиту», не хотели поверить, что в роли доброй, отзывчивой советской девушки Зины Весениной снималась та самая актриса, которая одновременно в протазановском боевике выступала в роли сильной и властной Аэлиты.

Но все было именно так. И ту и другую роль исполняла молодая актриса студии Московского камерного театра Юлия Солнцева.

В двадцатые годы она снималась много и часто. Один за другим появлялись на экранах фильмы с ее участием: «Леон Кутюрье» по «Рассказу о простой вещи» Б. Лавренева, «Буря» и «Глаза, которые видели»... После этого фильма она получала неоднократные приглашения сниматься в США, но неизменно их отклоняла. Затем были «Две женщины» и «Джимми Хиггинс». Увы, это были картины, режиссерски куда более слабые, чем те, в которых она дебютировала на киноэкране: они не обогащали кинематограф и не доставляли актрисе творческого удовлетворения.

Но если, скажем, «Джимми Хиггинс» не оставил заметного следа в истории советского кино, он оставил его в биографии актрисы, в ее жизненной судьбе. Так случилось, что в Одессе, на съемках этого фильма, Юлия Солнцева впервые встретилась с Александром Довженко.

До сих пор Юлия Ипполитовна называет эту встречу «необъяснимой».

В самом деле: идут съемки, они требуют от их участников полной сосредоточенности и предельного внутреннего напряжения. Что-то получается, и тогда все довольны; что-то вовсе не выходит: актеры не понимают режиссера, а тому кажется, что это актеры не понимают друг друга, и тогда все хмурятся, нервничают, говорят друг другу колкости. И вот как раз в такое злополучное время в павильон приходит человек, ей неизвестный, собранный и стройный, в отличие от участников съемки чисто выбритый и со вкусом одетый, в элегантном сером костюме и широкополой фетровой шляпе. Он долго и молча стоит за декорациями, наблюдая не столько за тем, что происходит на съемочной площадке, сколько за ней, известной актрисой, исполняющей главную роль. «Кто это?» — спрашивает актриса. Ей отвечают: «Да Сашко Довженко!» «Ах, это Довженко!» Она была в восторге от «Звенигоры», но впервые увидела ее творца.

Молодой украинский кинорежиссер как раз в это время готовился к съемкам «Арсенала».

Через день или два актриса идет коридо-

Вместе с Довженко. Фото Г. Санько.

ром студии, рассматривает только что полученные ею фотографии проб. Чья-то рука неожиданно опускается на эти снимки, и она поднимает голову: «Довженко!» Но он не смотрит на нее, он смотрит только на снимки и, не поздоровавшись и не представившись, говорит: «Это хорошо. Это хорошо... А это никуда не годится!» И уходит, не добавив ни слова.

А еще через день он без стука входит в номер гостиницы, где в этот момент актриса сидит у своей подруги, и стремительно направляется от дверей к столу.

«Здравствуйте! — говорит он. — Я принес вам апельсины...— И сразу же, без паузы, обращаясь к актрисе, продолжает: — Пожалуйста... Мне очень хотелось бы поговорить с вами... Сейчас... Немедленно... Может быть, пойдете со мной?.. Хорошо?..»

Как это ни странно, но она, не сказав ни слова, поднялась и пошла к двери. По ковровой дорожке. С ним рука об руку...

Кажется, что это был ее шаг в будущее, ибо потом она шла рядом с этим человеком, рука об руку, долгие-долгие годы. В сущности, не позднее, а именно с этой счастливой минуты и открылась для нее трудная и радостная, неизведанная и непроторенная дорога жизни и совместного творчества с Александром Петровичем Довженко.

Они прожили вместе 28 лет, до его безвременной кончины в ноябре 1956 года.

Всю жизнь он оставался, как остается для нее и по сей день, неразгаданным и непостижимым. Все в нем ее покоряло: и простая, негромкая, всегда искренняя речь, и глубокие, добрые глаза, и доверчивая, детская улыбка. Его сердце, как большое окно, было постоянно открыто навстречу жизни. Его радость и печаль, отзывчивость и сострадание к людям захватывали, побуждали вместе с ним радоваться и печалиться, отзываться и сострадать. В посещавших его приступах глухой тоски и неудовлетворенности жизнью, как и в гневе, он был ей особенно близок и дорог.

Постоянное общение, духовная близость с великим художником и любимым человеком утвердили Юлию Ипполитовну в решении отказаться от легко завоеванного успеха в кино, навсегда распроститься с завидной популярностью первой звезды советского экрана, которой в те годы нельзя было и появиться-то на улице без того, чтобы ее тотчас же не окружила восторженная толпа. Навсегда отказаться от положения этакой экранной красавицы, портреты которой можно было встретить на любых киноафишах и стендах, именем которой называли новорожденных, под именем героинь которой выпускались конфеты и папиросы, и которая, как о том писали газеты, снилась многим молодым людям, засыпавшим ее письмами и цветами.

Впрочем, принятию такого решения сопутствовали и неудовлетворенность профессией киноактрисы, которой на съемочной площадке нередко приходилось в чем-то ущемлять собственное понимание того или иного образа в угоду не всегда убедительным суждениям малоинтересных режиссеров, а в случае замужества — по установившейся традиции — «сниматься у мужа». Эта странная, но — увы! — до сих пор еще бытующая в кино традиция, которая, в сущности, ведет к подчинению художественных решений не всегда оправданным семейным интересам, явно противоречила ее активной жизненной позиции и творческой концепции. Хотелось «думать самой», самой искать и находить новое в жизни и в искусстве, радоваться и огорчаться, иметь свою точку зрения.

В фильме «Земля» Солнцева «снялась у мужа» в маленькой роли дочери Опанаса. В ее практике это был случай единственный. И последний. Прославленная актриса в 30 лет окончательно покинула экран, чтобы вместе с Александром Петровичем Довженко, учась у него и помогая ему, искать новые пути в искусстве кинематографического отображения жизни. И она стала сначала ассистентом режиссера, затем сорежиссером и, наконец, режиссером-постановщиком художественных фильмов. Открытой и громкой славе киноактрисы она предпочла профессию творца художественных ценностей важнейшего из искусств, положение мастера, имя которого можно встретить в титрах фильма, но которого редко кто из кинозрителей знает в лицо... Какое, однако, бескрайнее поле творчества открылось перед ней в связи с этим ее смелым решением!

Уже «Аэроград», в котором она работала ассистентом режиссера-постановщика, а затем «Щорс», в котором она выступала как сорежиссер, дали ей такой творческий опыт, какой не мог дать ни один из тех фильмов, в которых когда-то она была занята как актриса. В работе над этими картинами она особенно глубоко почувствовала, какой невероятной взрывной силой обладает в кино патриотическая тема, как много значит для художника ее философское осмысление, разработка ее образной структуры, каких усилий требует композиция вещи в целом и каждого кадра в отдельности. На личном примере она могла убедиться, наконец, и в том, сколь важна для успеха постановки простая, казалось бы, истина, которую она, актриса, всегда высоко ценила: режиссер призван дать актеру творческий импульс, но сам актер должен быть свободным и в трактовке образа и в выборе средств выражения.

В годы Великой Отечественной войны Юлия Ипполитовна в качестве режиссера участвовала в создании документальных фильмов «Битва за нашу Советскую Украину», «Победа на Правобережной Украине», «Буковина, земля украинская». Художественным руководителем этих картин был Александр Петрович, он же написал к ним авторский текст. Тема всепоглощающей любви к родной земле, к своей Советской Родине, властное желание рассказать о том, чем жили и дышали в то грозное время все советские люди, выразить в живых, неотразимых образах те сжигавшие душу чувства, которые испытывал каждый советский человек на фронте и в тылу, и найти соответствующие времени выразительные средства,— именно таким стремлением были пронизаны все эти ленты, документальные по форме, художественные по существу.

В первые послевоенные годы Солнцева в качестве режиссера участвовала в создании фильма «Мичурин», удостоенного в 1949 году Государственной премии СССР. Позднее она лично осуществила постановку фильма-спектакля «Егор Булычов и другие», а также сатирического фильма, своеобразного киноьфельетона «Ревизоры поневоле».

В 1956 году ушел из жизни Александр Петрович Довженко. Сколько раз вставали в ее памяти в те трагические дни все двадцать восемь совместно прожитых лет, нелегкие дороги жизни и творчества, пройденные рядом! Жизненная ноша, давившая на сомкнутые плечи двоих, теперь полностью легла на плечи Юлии Ипполитовны.

Все, что бы она ни делала в последующее двадцатилетие, было связано с именем Александра Петровича Довженко.

Николай Тихонов писал как-то, что Юлия Солнцева — это «человек большого дарования, упорства, сильной воли, мастер мужественный и вдохновенный». Только смелый, настоящий и сильный человек и художник мог поставить перед собой такую сложную задачу, какую поставила Солнцева: превратить в фильмы все неосуществленные сценарии Александра Довженко, воплотить на экране его вдохновенные замыслы, восстановить в первозданном виде и сделать достоянием современников созданные им ленты; собрать, систематизировать и издать все его сочинения.

Знаменитые фильмы, поставленные Юлией Ипполитовной на киностудии «Мосфильм» по сценариям мужа: «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» (приз за режиссуру на XIV Международном кинофестивале в Канне), «Зачарованная Десна», как и фильм «Незабываемое», в основу сценария которого положены рассказы и дневники Довженко, наконец, «Золотые ворота», поставленные по ее собственному сценарию, составляют ее поистине великий творческий подвиг. Подвиг, продиктованный любовью и верностью любимому человеку и его художественному идеалу.

Солнцева стремилась передать в своих фильмах масштабность и глубину мысли Довженко — «патетический склад» его произведений, о котором писал еще Сергей Эйзенштейн, показать духовную красоту советских людей, исторический смысл их героического труда, их беззаветной борьбы. «Мечта о подлинной, большой, большевистски тенденциозной, здоровой по содержанию, глубокой и крепкой картине является... моей главной мечтой»,— говорил Довженко. С этой «главной мечтой» и создавала Юлия Солнцева свои картины, ныне известные всему миру. Картины, в которых перед зрителями проходят не частные жизненные случаи, не те или другие персонажи на фоне их повседневных дел и забот, но события исторические и люди нашей героической эпохи.

Следуя заветам Довженко, оставаясь верной его творческим принципам, Юлия Ипполитовна Солнцева представляет своими фильмами ту ветвь в искусстве социалистического реализма вообще, и в киноискусстве в частности, которую отличают эпическое начало, преклонение перед нравственным величием советского человека, его всепоглощающая любовь к жизни, к залитой солнцем, могучей и щедрой родной земле...

Конечно, в фильмах Юлии Ипполитовны, созданных ею и при жизни Александра Петровича и после его смерти, выражена прежде всего ее творческая индивидуальность. Но в них незримо присутствует и тот, кто сообщил жизненный импульс ее художественным замыслам. В этом единстве, выраженном в образах, в поступках героев, в событиях, наконец, в одухотворенных картинах природы, бескрайних нив и лугов, в цветении садов и разливах рек, в залитых лазурью и золотом украинских пейзажах, всегда присутствуют двое — она, воссоздавшая эти картины по его сценариям, и он, безвременно покинувший эту землю... Проходят на экране захватывающие наше сознание кадры, звучит поэтическая проза Довженко. И с нами всегда остается и ее, Юлии Солнцевой, и его, великого советского писателя и кинорежиссера, художественная исповедь.

Она восстановила все фильмы, поставленные Довженко, включая фильмы «немого» периода. Это был труд поистине титанический. Надо было вернуться к первоначальным вариантам, разыскать то, что было утрачено в процессе массовой печати, перезаписать или создать музыку почти всех картин, «освежить» и в ряде случаев перемонтировать негативы.

В эти же годы с ретроспективным показом фильмов А. П. Довженко Юлия Ипполитовна побывала в США, Англии, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Польше...

В 1966 году издательством «Искусство» было начато, а в 1969 году завершено собрание сочинений А. П. Довженко в четырех томах, в котором представлено его богатейшее литературное наследие — сценарии, пьесы, рассказы, очерки, статьи, лекции и выступления, дневники и переписка. Составителем всех четырех томов была Ю. И. Солнцева. Одновременно она принимала участие и в издании сочинений Довженко в зарубежных странах.

Мне довелось не раз встречаться и подолгу беседовать с Юлией Ипполитовной в процессе ее работы и над ее последними фильмами и литературным наследием Александра Петровича. И всякий раз, размышляя затем об этих встречах и беседах, я ловил себя на мысли о том, что стремление Солнцевой к монументальным формам, к эпическим решениям, к образному постижению нового в жизни народа, в его духовном и нравственном облике, в его характере не является случайным. Оно проистекает из глубочайшего убеждения в том, что основу истинного искусства, любимого народом и пользующегося его неизменным признанием, составляют правда жизни, высокая идейность и художественность.

Мне приходилось слышать от иных соратников Юлии Ипполитовны, включая ее близких друзей, что у нее «трудный характер». Думается, что это не так! «Трудный характер» оказывается совсем нетрудным для понимания, если иметь в виду присущую ей твердость в отстаивании своих художественных воззрений, прямоту суждений, ее убежденность и принципиальность.

Имя Юлии Ипполитовны Солнцевой навсегда связано с историей возникновения и развития советского кино. В этом убеждают годы и десятилетия, оставшиеся позади, и то принципиально новое, что она внесла в его художественную летопись. В эти ее юбилейные дни хочется пожелать ей доброго здоровья и творческого горения на долгие-долгие годы, новых художественных свершений и полного жизненного благополучия.

СТОЯЛА ГОРА...

Если оставить в стороне описание природы Маднеули, говорить пока вроде особенно-то и не о чем. Есть горный карьер, в котором добывают руду, и есть новая, с иголочки фабрика, где ее обогащают и готовят к окончательному этапу — превращению руды в металл. Но технология всего этого известна и стара как мир. И принцип добычи и переработки металлов почти не изменился.

Весь этот обширный край Грузии, Нижняя Картли,— древнейший очаг металлургического ремесла.

Вот и эта гора...

Когда пришли сюда молодые геологи Юрий Назаров, Вера Аленикова и техник Павел Давиташвили, они увидели следы древних разработок, определили, что люди (какие-то очень далекие люди!) добывали тут серу, свинец, а из кварцитов, возможно, извлекали золото. Да, они, те люди, отбирали у кварцита его золотые прожилки, и Юра даже отчетливо представлял себе, как они это делали. Сначала обкладывали бревнами кварцитовый участок, поджигали дрова, потом подводили и обрушивали на раскаленный участок потоки холодной воды. Кварциты трескались. По жилам.

Может быть, это было и не так, но интересна уже сама гипотеза и способность поисковика всматриваться в глубь явлений.

В те первые послевоенные годы два молодых геолога искали барит. Юра Назаров считался уже по нему специалистом, так как еще до войны открыл в Западной Грузии солидное месторождение. Здесь, в другом конце республики, на вышеупомянутой горе, которую предыдущие геологи перспективной на барит не посчитали, был получен отличный результат: копнули глубже и пересекли богатые пласты барито-полиметаллических залежей. Значит, кроме барита, есть еще и свинец, и цинк, и медь. Меди, правда, немного.

Но вот что насторожило геологов — глубокий разлом посреди горы. Будто гора дала трещину, туда заходит воздух, там циркулирует влага, происходят какие-то процессы. И вплотную к разлому небольшие по количеству, но как бы обогащенные участки богатого халькопирита или медного колчедана. Надо бы исследовать вторую половину горы!.. Заложили поисковую скважину, и она вскрыла мощную медноколчеданную залежь.

Нет, это, конечно, не гора с разломом посередине, а две самостоятельно образованные горы, сдвинутые, сплюснутые какими-то гигантскими силами и сросшиеся так, что не различишь. Одна начинена баритом и полиметаллами, другая — медью. И меди, оказывается, немало...

— Как же мы назовем это открытие?

— Старожилы называют гору Маднеули — Рудное...

Это было 25 лет тому назад.

А недавно Юрий Исаакович Назаров, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР, вернулся из длительной заграничной командировки и попал прямо на пуск первой очереди Маднеульского горно-обогатительного комбината. Стоял на трибуне, волновался вместе с женой своей — геологом, ушедшим в отставку,— Верой Александровной Алениковой и техником Павлом Владимировичем Давиташвили. Здесь, на трибуне, вроде бы замкнулся некий жизненный круг. Был сиротливый теодолит на горе — и вот обширный карьер, фабрика, выдающая медный концентрат, и поселок с девятиэтажными домами. Не каждому геологу (даже отличному геологу!) выпадает такая радость.

Но круг, конечно, на этом не замкнулся. Уже другие люди продолжали и продолжают сегодня искать, уточнять, расширять. Ведь существующий ныне Маднеульский ГОК — горно-обогатительный комбинат — первоначально проектировался с производительностью в четыре раза меньшей, чем сейчас. Так все росло и растет прямо на ходу.

Сегодня Маднеульский комбинат переживает трудности роста. Нарушена гармония. Увлеклись обогатительной фабрикой и построили ее в очень короткий срок — за два года. Две секции по переработке медной руды и третья, барито-полиметаллическая. Но при всем этом забыли, что фабрике нужен «корм».

День и ночь она должна «жевать», а карьер отстал, не хватает механизмов, людей.

Недавно здесь побывала группа ученых — крупных специалистов по цветным металлам, участников проходившего в Тбилиси пленарного заседания научного совета Госкомитета по науке и технике. Обсуждались технологические проблемы переработки маднеульских медных концентратов гидрометаллургическим путем.

Гидрометаллургическим?! Вот это ново, это интересно. Здесь уже веет свежим ветром!

Медь плюс огонь, плавка или пирометаллургия меди существовали испокон веков, существуют и по сей день, загрязняя окружающую среду. Сейчас пробивает себе дорогу современная гидрометаллургическая (медь + вода) технология переработки медного сырья. Пробивается новая технология трудно: многое надо ломать в производстве и в умах. Но там, где гидрометаллургия внедряется, преимущества ее очевидны. Она открывает возможности для комплексного, безотходного, а следовательно, экономически более эффективного использования руды, то есть не теряются попусту сопутствующие меди элементы. Это раз. Второе: металлургические заводы, основанные на новой технологии, перестанут превращать свои окрестности в подобие поверхности Луны. Ведь то, что сейчас творится вокруг Алавердского, старейшего в стране медеплавильного завода, недостойно нашего времени: сернистый газ и токсичная пыль умертвили природу вокруг! Старые медеплавильные предприятия переделывать трудно, поэтому гидрометаллургию надо внедрять на вновь строящихся. Таковы требования научно-технического прогресса.

А Маднеули тем и интересен, что Маднеульский ГОК еще был на кальках, когда в недрах тбилисского института химии имени П. Г. Меликишвили группа научных сотрудников под руководством профессора Платона Владимировича Гогоришвили стала работать над способами получения меди путем выщелачивания ее сульфата. По этой видоизмененной технологии с добавкой марганца, без огня и дыма, в автоклавах можно получать медный порошок и двуокись марганца методом электролиза.

Вместе с учеными мы идем в цех автоклавного выщелачивания медного концентрата. На Маднеульском комбинате есть такой опытно-промышленный цех. Создан он энтузиазмом группы химиков-изобретателей, энергией одного из молодых членов этой группы, который здесь много лет, то в должности механика, то слесаря, дневал и ночевал, ставил все своими руками, завинчивал и испытывал. В позапрошлом году голубая «медная водичка» высадилась тут в первый медный порошок. Из него сделали медные пластины. Для наглядности и подтверждения идеи. И теперь этот молодой (точнее, уже не очень молодой) химик, ныне кандидат наук, недавно назначенный главным инженером Маднеульского ГОКа, Тенгиз Павлович Гелейшвили говорил нам:

— Нас очень поддерживают в Госкомитете по науке и технике и в Центральном Комитете Компартии Грузии. Но то, что у нас есть,— это всего лишь небольшой полупромышленный цех. А не время ли подумать о гидрометаллургическом заводе? Ленинградский институт «Гипроникель» уже составил технико-экономическое обоснование строительства завода, затраты на который окупятся в течение пяти лет. Представляете, вместо того, чтобы возить маднеульский концентрат на Урал и в Алаверди, тут же, в Маднеули, станет работать чистенький завод по производству медного порошка и двуокиси марганца!

Тенгиз Павлович быстро подсчитал в уме, когда может состояться пуск такого завода, если бы сейчас начали его проектировать:

— В 1981 году, в начале одиннадцатой пятилетки!

...В кабинет крупным шагом вошел заместитель начальника объединения «Союзмедь» Антон Семенович Гашенко. Я спросила его, как он относится к проблеме, которая так волнует главного инженера комбината.

Тамази Саркисов — один из лучших экскаваторщиков карьера.

Так «увозят» медную гору.

На развороте вкладки:

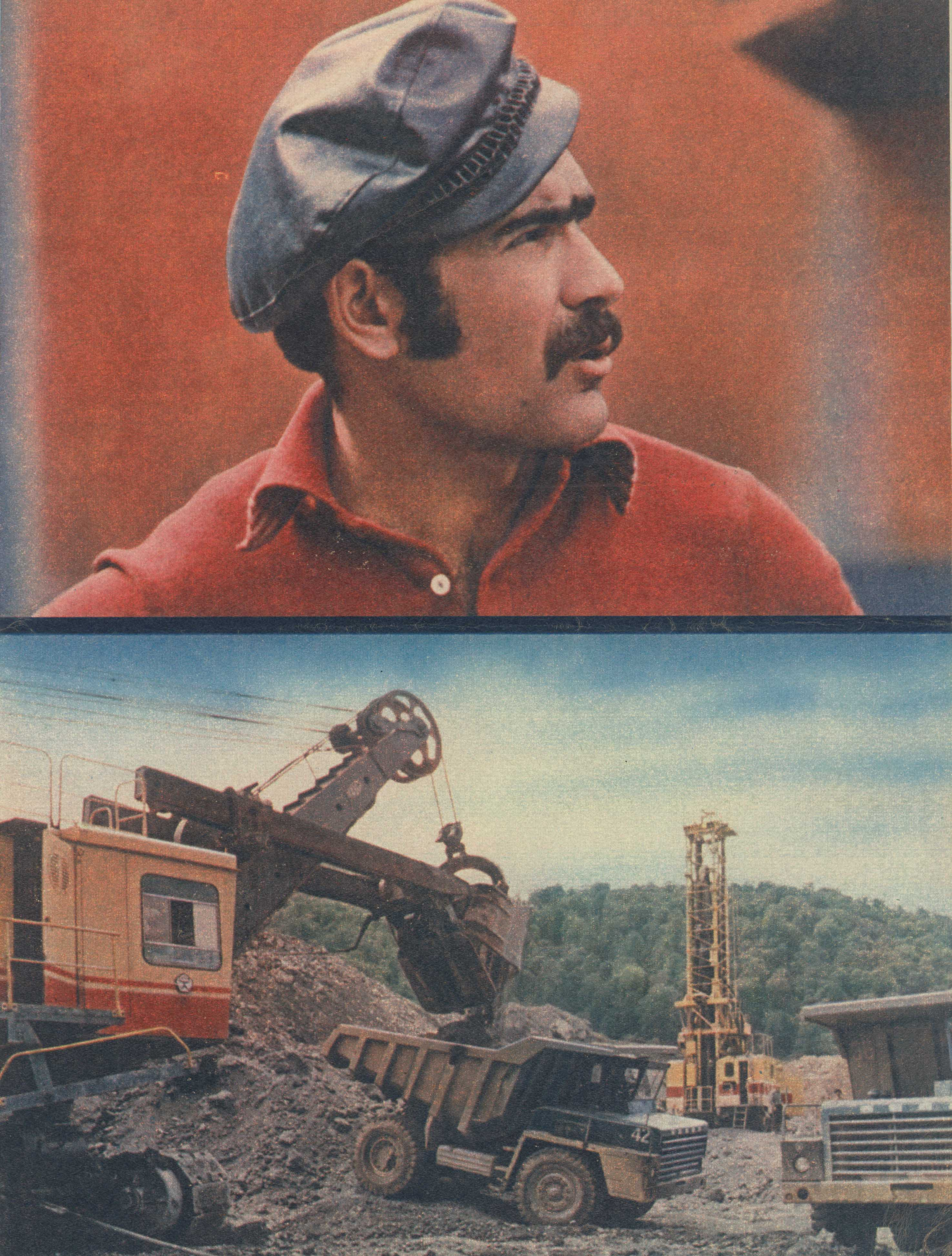
Ровесница нового города.

Высоко забрался новый Маднеули.

В автоклаве выщелачивается медный концентрат.

Медная пластина, полученная из маднеульского порошка.

Главный инженер Маднеульского ГОКа Тенгиз Гелейшвили.


42

— Как инженер — положительно, как хозяйственник — отрицательно. Маднеульский комбинат по утвержденным запасам сырья рассчитан на определенный срок эксплуатации. Пока геологи будут искать новые запасы, пока не убедятся, что они налицо, никто о новом заводе и разговаривать не будет. Потом начнется составление проекта, строительство. . .

Геологи Поладаурской поисковой партии повезли нас на новое, еще не до конца разведанное месторождение близ Маднеули. Когда здесь пробили штольню, на глубине 300 метров уткнулись в жилы, содержащие полиметаллическую руду и медь. Есть поблизости медь и на других таких же небольших, но вполне промышленных участках.

Геологи ищут, ищут, ищут. Понятно их стремление напасть на такую же, как в Маднеули, крупную залежь меди. Удобнее носить в кармане одну купюру, чем несколько разменных монет... Но и эти монеты обладают твердым достоинством. Почему же их не пустить в дело? Чего ждать?!

Об этом мы беседуем в камералке с главным геологом партии Михаилом Ильичом Чохонелидзе. И тут же работает над картами деловитый гость, старинный друг Михаила Ильича. В одной экспедиции были когда-то в тайге, на Нижнем Енисее. Сейчас Леонид Борисович Зубков, старший научный сотрудник, прибыл в Маднеули по указанию объединения «Союзредмет».

Какой же интерес в Маднеули у «Союзредмета»? Самый прямой: заняться содержанием редких и рассеянных элементов этого месторождения и изыскать возможности их извлечения из руд. А потребность в этих материалах велика.

И тут я подумала, сколько еще организаций с вожделением смотрят на маднеульское сырье. Даже на хвостохранилище! (Так называется лощина, огороженная дамбой, где скапливаются выбросы нынешнего производства.) До 90 процентов отходов! Кавказский институт минерального сырья предложил делать из этих отходов силикатные кирпичи (испытано в Таллине), минеральный порошок, придающий прочность асфальту (испытано в Тбилиси), стекольную шихту (испытано в Гусь-Хрустальном). На всем этом сырье планируются в Маднеули новые промышленные предприятия. И они будут, потому что сама жизнь на это толкает.

* * *

Все эти дни мелодично поскрипывают под подошвой рассыпанные по карьерам и дорогам минералы. Солнце играет в мелком крошеве, сверкает и блестит. Ходишь по будущему свинцу, меди, цинку, бог знает по каким еще вывороченным наизнанку земным богатствам. Поднимаешь к глазам какой-нибудь крупный осколок руды, а там золотисто-желтое и ярко-серебряное с фиалковым отливом, благородно серое, как замша, и сахаристо белое, напоминающее любимую в детстве восточную сласть...

Стояла себе гора — красивая, странная какая-то, двугорбая. Раз уж мы ее съедаем день за днем, срываем с лица земли, раз уж нам это очень требуется, надо, чтобы ничего не валялось под ногами, не кисло в хвостохранилище, а несло электрический ток в проводах, сохраняло кабели под землей и под водой, работало в аккумуляторах, в химической и радиоаппаратуре, в нефтяных скважинах, в деталях машин, приборов, в листовом железе, художественных поделках, в бутылках «Боржоми», асфальте улиц, стенах домов...

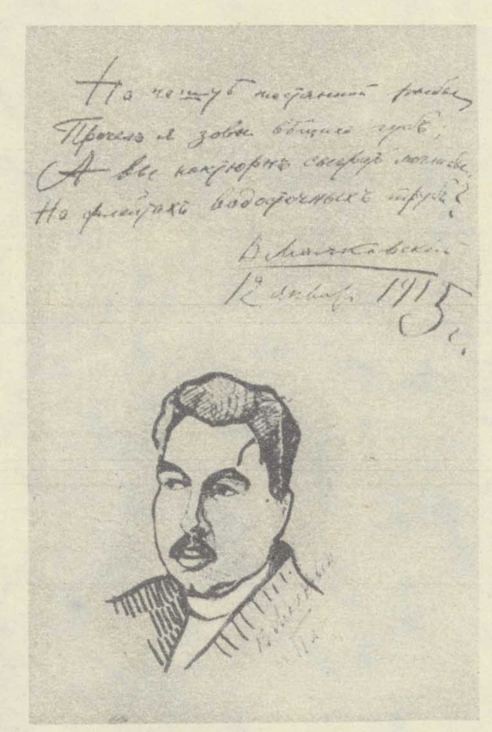
Уйма у тебя работы, гора!..

●

Учащиеся ПТУ. Они будут работать и строить на Маднеули.

На репетицию.

РУКОЙ МАЯКОВСКОГО



Е. П. Иванов. Дружеский шарж В. В. Маяковского и строки стихотворения, написанные поэтом.

Здесь впервые воспроизводятся фотографии обложек двух поэтических книг с автографами Владимира Владимировича Маяковского. Надписи на них адресованы Е. П. Иванову, литератору-этнографу, собирателю фольклора. В 1913—1914 годах Иванов издавал и редактировал журнал «Театр в карикатурах». К этому времени и относится его знакомство с Маяковским. В своих воспоминаниях о В. В. Маяковском Евгений Платонович Иванов пишет, что впервые встретились они в помещении маленького, тесного «Трехгорного ресторана», где собирались ежедневно литераторы, журналисты, художники, артисты. «Однажды,— вспоминал Иванов,— ко мне подошел высокий, хорошо сложенный, смугловатый, довольно красивый, с выразительными темными глазами молодой человек и звучным голосом отрекомендовался:— Владимир Маяковский! А вы кто?»

Иванов назвал себя и тут же получил в ответ визитную карточку.

«— Это вы футуристам страницу отводите? — спросил Маяковский.— Читал... одобряю, хотя могу и спорить по поводу содержания некоторых напечатанных вами стихов».

Вскоре В. Маяковский стал посещать гостеприимный дом Е. Иванова, где можно было встретить писателей Л. Андреева, А. Куприна, А. Пазухина, В. Гиляровского и многих других представителей московской творческой интеллигенции.

Е. П. Иванов восхищался Маяковским, часто прибегал к консультации поэта по поводу стихов, которые намеревался опубликовать в своем журнале. В «Театре в карикатурах» в 1914 году было напечатано стихотворение В. Маяковского «Скрипка и немножко нервно».

У Иванова хранилось несколько рисунков поэта. «Вообще,— вспоминал Евгений Платонович,— когда этот удивительный человек хотел доставить вам приятное, то делал на память какой-нибудь рисунок. И этой черте его характера я обязан тем, что храню в своем собрании три сделанных с меня портретных наброска». На одном из них — написанные рукой Маяковского строки стихотворения «А вы могли бы?».

Когда в 1914 году издательство «Гилея» выпустило сборник под названием «Молоко кобылиц», где были напечатаны стихи В. Хлебникова, Вас. Каменского, Б. Лившица, В. Маяковского, И. Северянина, Владимир Владимирович принес Евгению Платоновичу эту книжицу со своим автографом: «Дорогому Евгению Платоновичу Иванову, Маяковский». Затем вручил и вторую, с трагедией «Владимир Маяковский», на которой написал: «Милому Евгению Платоновичу от Влад. Маяковского в знак дружбы».

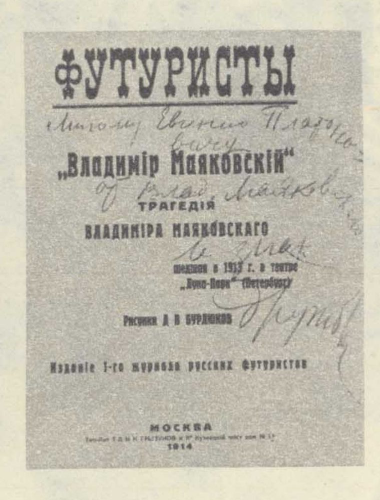
Каждая публикация, связанная с именами великих деятелей литературы, требует особой точности и особой достоверности. Поэтому к экспертизе автографов Маяковского были привлечены криминалисты. Такого рода исследования стали нынче делом обычным — криминалисты помогают литературоведам и искусствоведам восстанавливать, казалось бы, навсегда утраченные тексты, устанавливают принадлежность текстов тому или иному лицу и т. д.

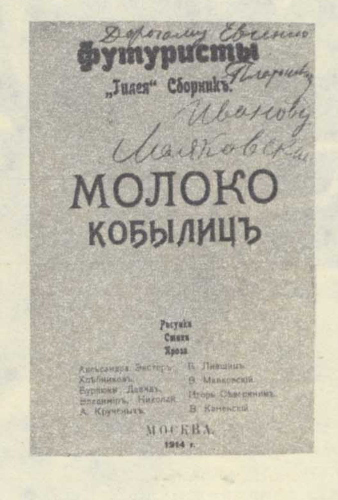
Изучив надписи на книгах «Молоко кобылиц» и «Владимир Маяковский», эксперт, кандидат юридических наук В. В. Герасимов установил, что они исполнены действительно В. В. Маяковским.

...Прошло немало лет с тех пор, как, разбирая свой архив, Евгений Платонович достал эти две редчайшие книжечки и, зная о моей любви к литературе, подарил их мне. Много лет я ревниво хранила эти реликвии, а теперь решила передать их Государственному музею В. В. Маяковского, где бережно и с любовью собирается все, относящееся к великому поэту.

Зинаида МИЛЮТИНА

Автографы В. В. Маяковского на книгах.

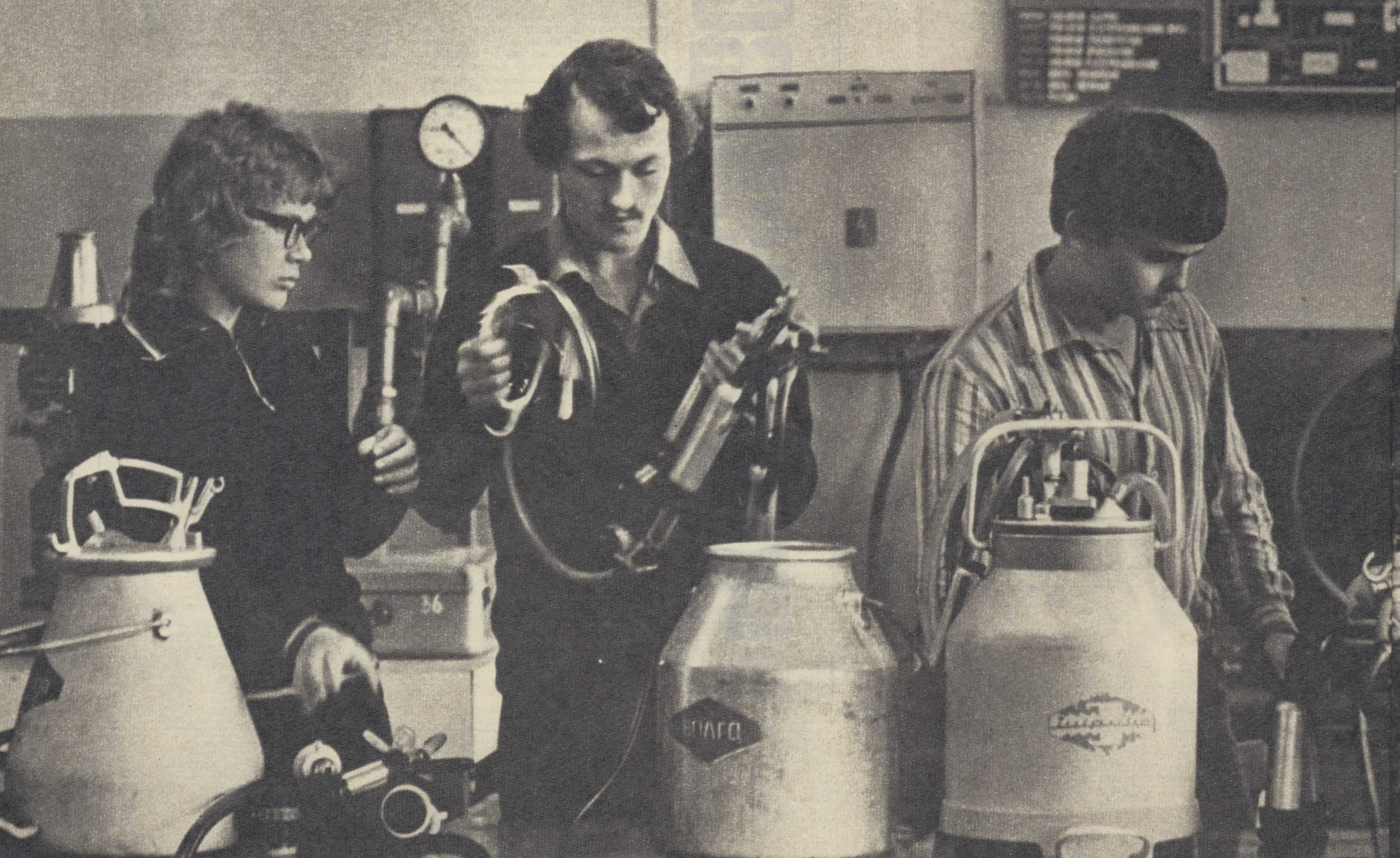




Поселок Молочный.

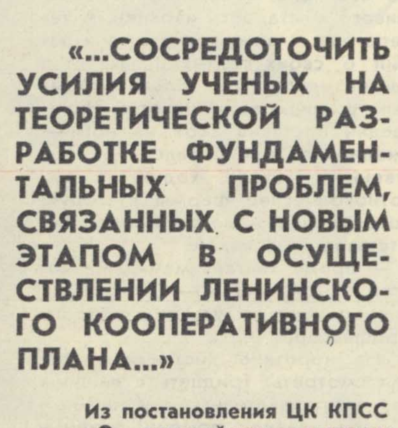
А К А Д Е М

Отделение механизации. Изучение доильных аппаратов. Слева направо: Зинаида Прошева, Алексей Спиридонов, Сергей Яковлев, Валентина Кочнева, Сергей Качалов.



СЕЛО

Н. МЕЛЬНИКОВ,
фото М. САВИНА.



«...СОСРЕДОТОЧИТЬ УСИЛИЯ УЧЕНЫХ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С НОВЫМ ЭТАПОМ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА...»

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции».

В начале меня удивляло: почему об этом поселке на Вологодчине почти ничего не пишут в газетах и журналах, не показывают его на телеэкране? Ведь поселок удивительный: в нем два института, учебный и научно-исследовательский, орденоносный госплемзавод, маслозавод. Здесь живут и работают около ста пятидесяти докторов и кандидатов наук, учатся до пяти тысяч студентов. Даже есть свои члены-корреспонденты Академии сельскохозяйственных наук.

«А ты сам почему до сих пор не написал об этом поселке ни строчки? — сказал я себе.— Твои коллеги, может быть, ничего не знают о Молочном, а ведь для тебя он самая близкая, живая точка на свете — твоя родина». И я впервые поехал сюда не в отпуск, как бывало раньше, а с командировочным удостоверением.

ВЕТЕРАНЫ

Не спеша иду по главной улице, здороваюсь за руку со знакомыми. Улица кажется многолюдней, чем обычно. Понятно — тепло ста-

ло. Слышу, кто-то издали меня окликает. Оглянулся: профессор молочного института Николай Николаевич Розов. Мы знакомы много-много лет, почти всю жизнь — еще с довоенного времени.

Смотрю на него с удивлением: как размашисто, легко шагает. После войны, помню, он еле-еле передвигался на костылях, с огромным трудом влезал по лестницам в студенческие аудитории. На его теле, говорили, не было живого места, весь изранен. А теперь, как я вижу, он вроде и забыл о своих старых ранах. Мне рассказывали, что только огромным усилием воли Николай Николаевич поставил себя на ноги — ежедневно тренировался по собственной методе, ходил на животноводческие фермы в любую погоду, без жалости к себе, не отставая от молодых.

— Вроде хватает меня... на короткие дистанции, — пожав мне крепко руку, с улыбкой говорит профессор.

«На короткие дистанции». Это как смотреть. Тридцать с лишним лет преподавательской и научной работы, давняя помощь научными исследованиями госплемзаводу — это уже не короткая, а скорее марафонская дистанция.

На госплемзаводе, над которым шефствует институт, выращено высокопродуктивное стадо. Вот уже десяток лет надои на каждую фуражную корову составляют свыше пяти тысяч килограммов в год, отдельные доярки перешагнули и за рекордные показатели свыше шести тысяч. По всей стране расходится здешний элитный молодняк. Когда завод заносили на Доску почета ВДНХ, Розов вместе с другими гостями поздравлял своих друзей. А те, в свою очередь, поздравляли профессора: «Общая заслуга».

Вспоминаем знакомых. Да вот и они сами, тоже вышли погулять. Я вижу Марию Ивановну Моторину, животновода-селекционера, заслуженного зоотехника республики. Здесь и соратники Розова, профессора института, работающие в селе с двадцатых — тридцатых годов: Федор Илларионович Резников, Владимир Анатольевич Скворцов, Герман Германович Блок.

— Откройте секрет, почему не стареют ветераны в поселке? — спрашиваю я, посматривая на подтянутую, стройную фигуру, на живые, любопытные глаза профессора.

— Потому и не стареют, что живут здесь. Тут наши корни, наша живительная среда,— отвечает он.— Многих из нас приглашали в большие города, никто не поехал. Как уедешь от того, что любишь, от тех, кому нужен? От своего дела, земляков, родной северной природы...

У главного здания в поселке — молочного института — мы останавливаемся перед афишей. Объявляется: «Послезавтра — партийное собрание института с повесткой дня: «Задачи парторганизации в свете решений XXV съезда КПСС». Докладчик — секретарь Вологодского обкома партии С. А. Осминин». Профессор говорит:

— Зачастил к нам Станислав Александрович — наш бывший ученик. У нас в институте он окончил и аспирантуру, потом защитил кандидатскую диссертацию. В Молочном все его знают. И он, конечно, знает всех.

— А что нового у вас? — спрашиваю я у Николая Николаевича.

— Не успели разглядеть? Добираемся до главного — индустриальной основы в животноводстве. Вместо старых, маленьких ферм теперь — огромные комплексы. Как же здесь без науки? Нет, стареть нам, ветеранам, рановато...

«ЗАРЯ КОММУНИЗМА»

Я побывал на большом комплексе научно-исследовательского института, в опытном хозяйстве «Заря коммунизма». Первое впечатление — дворец с огромными корпусами из железобетона и стекла. Его еще не открыли, идут последние приготовления к заселению «жильцами», но ясно: условия для жизни молочного скота здесь отличные. Воздух свежий, светло, тепло, горячая вода, ультрафиолетовое облучение. Все отдельно — изоляторы, родильные отделения, кормовые цеха, наземные бетонные траншеи для хранения разных видов кормов.

Приезжают сюда директора совхозов, председатели колхозов, специалисты-животноводы. Они всем интересуются, задают множество вопросов. Прежде всего спрашивают: не возникнет ли неразбериха, если коров и телят не привяжут к стойлам, дадут им самостоятельность? Нет, уверенно отвечают ученые, коровы после прогулки и доения сами расходятся по своим местам. Опыт подтверждает: животные быстро осваиваются в новой обстановке.

Вопросов много. Как более рационально организовать труд обслуживающего персонала комплексов? По какой программе проводить учебу операторов машинного доения? Этот комплекс самый большой в Вологодской области (на 2200 коров и телят) и предназначен для того, чтобы проводить исследования, ставить эксперименты, по-научному разрешать возникающие проблемы.

О новых, вызванных жизнью сложностях мы говорим в машине с секретарем Вологодского обкома партии Станиславом Александровичем Осмининым — вместе едем на партийное собрание в учебный институт.

— Видели сводный план творческих заявок наших ученых? — спрашивает меня Станислав Александрович.— Посмотрите, интересная картина. Ученые работают если не над всеми, то над очень многими злободневными проблемами. Правда, кое-кого пришлось и покритиковать за мелкотемье. Не без этого.

— Слышал, один доктор наук вторую пятилетку подает одну и ту же заявку-тему.

— Есть и такое,— соглашается Станислав Александрович, потом уточняет: — В целом нас беспокоят не ветераны, а молодые ученые — какая-то часть из них еще не нашла себя, не поднялась на новую ступень. Конечно, перемены не свершаются мгновенно. Видимо, вначале надо нам самим разбудить их ответственность, увлечь новым. И еще надо создать условия, соответствующие духу времени. Прежде всего усилить материально-техническую базу институтов. Пока она слабовата, сдерживает исследования. Решение принято, отпущены деньги, но не управляются строители. А время не ждет. Где выход? Вспомнилось: в студенческие годы мы сами помогали строителям. Поговорили со студентами. Хорошие ребята. «Вы не агитируйте нас,— сказали они,— мы все понимаем. Конечно, создадим строительные отряды, только дайте нам технику, чтобы производительность труда была хорошая». Так и решаем сложные проблемы в комплексе.

Мы некоторое время молчим. Я думаю о том, как глубоко вникает Осминин в дела институтов. Видимо, и здесь комплексный подход: с одной стороны, поособенному свое, почти родственное, даже любовное отношение к поселку, к его людям, с другой — строгая требовательность, без скидок, компромиссов.

ПРИЗНАНИЕ

— Сначала я приехал в Молочное лишь в командировку,— рассказывает доктор наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ, директор Научно-исследовательского института животноводства Николай Иванович Клейменов.— Вижу: поселок чистый, уютный, река рядом, вековые деревья на главной улице. Как раз весна была, понравилось мне.

Я слушаю Николая Ивановича и размышляю еще об одной особенности поселка: люди тут закрепляются прочно, с охотой. Вот хотя бы предшественник Клейменова или бывший ректор учебного института. Кстати, после войны сменилось всего по одному руководителю в институтах, ушли «в отставку» по старости и болезни, но оба, как ни звали их в города, остались в Молочном. Но ведь не красоты природы привлекают сюда жить и работать ученых из Москвы?

Говорю об этом Николаю Ивановичу.

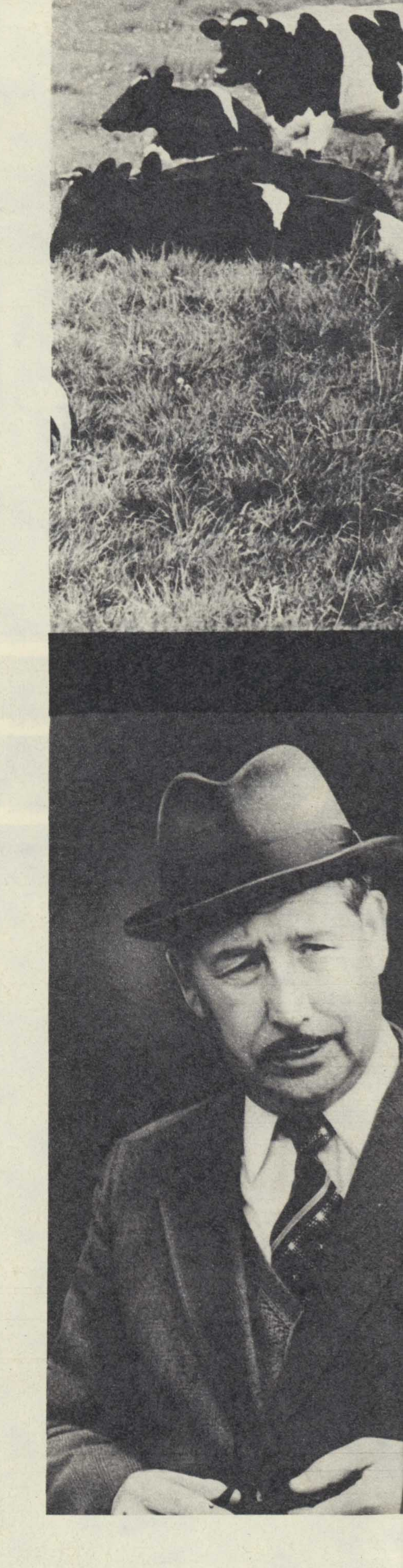
— Где человеку интересно, там он должен и жить и работать,— отвечает он.

Еще в Москве, работая в сельскохозяйственной академии, Клейменов наметил свою программу исследований в поселковом институте. Широкий замысел, вытекающий из современных требований к развитию животноводства. Одна из таких проблем — корма. Уже много лет институт во главе с прежним директором, членом-корреспондентом ВАСХНИЛ Алексеем Степановичем Емельяновым, известным ученым-животноводом, создает рецепты новых кормов. Здесь впервые на северо-западе были изготовлены качественный сенаж, различные кормовые смеси, витаминные добавки.

Под научным руководством Николая Ивановича Клейменова и кандидата сельскохозяйственных наук Айбета Вердихановича Айбетова разработаны новые, так называемые протеиновые корма, особенно богатые белками.

Айбет Вердиханович показывает мне сероватые, невзрачные на вид кусочки — это и есть чрезвычайно богатое азотом вещество, дополняющее рацион животных.

— Дефицит белка в обычных кормах,— поясняет ученый,— очень значительный, до сорока процентов. Коровы от этого нередко болели, снижали удои. Сначала эксперименты проводили в Марийской республике. Ученые уточнили технологию. Поиски продолжались в опытном хозяйстве института в Молочном. Новая, разработанная в институте добавка сокращает расход всех кормов.

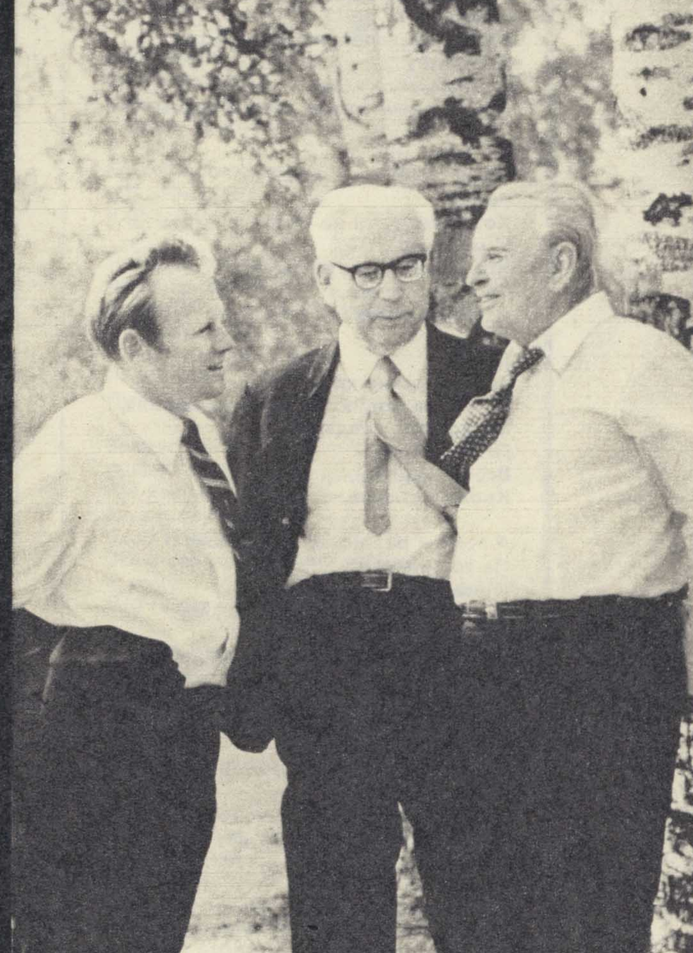


На эту работу ученые Молочно-

На занятиях по животноводству.

На площадке новой сельскохозяйственной техники.

Член-корреспондент ВАСХНИЛ, директор НИИ животноводства Николай Иванович Клейменов.



Кандидат экономических наук, секретарь Вологодского обкома КПСС С. А. Осминин и его учителя, профессора Ф. И. Резников и Н. Н. Розов.

го получили авторское свидетельство. Мой собеседник, раскрывая мне технологию исследования, на полуслове прерывает себя: «Нет, это надо увидеть».

Через несколько минут мы уже едем в опытное хозяйство. Он сам ведет машину. Айбету Вердихановичу за пятьдесят, а энергии его могут позавидовать молодые.

Дорогой он рассказывает, что опытную установку по производству новых кормов сначала изготовили самодеятельным способом, «с бору по сосенке». Заводы отказывались от заказов. Вмешался обком партии, помог. Все же кое-что делали сами, а сборку установки вели целиком своими силами. А сейчас установка работает на полную мощность: свыше тысячи коров обеспечены новыми кормами.

В опытном хозяйстве Айбетов знакомит меня с молодыми научными сотрудниками института, создавшими эту установку,— Валентином Копосовым, Вячеславом Седуновым, Дмитрием Мельниковым.

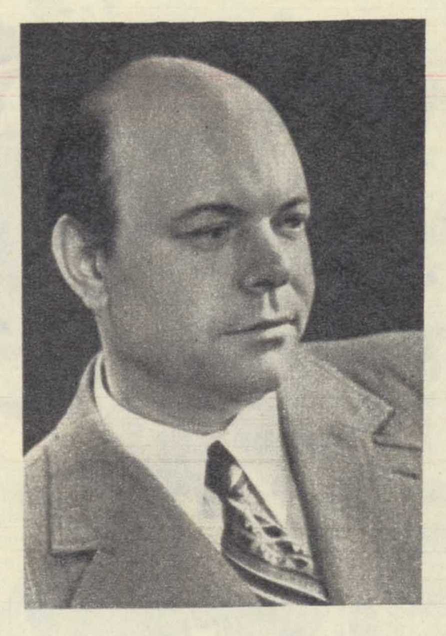
На установке уже побывали сотни приезжих специалистов. Чертежи ее разосланы во многие хозяйства области. Заводы приступили к изготовлению. Уже не пришлось нажимать, приняли, делают в ускоренном порядке. Более тридцати колхозов и совхозов получили установки для выработки протеиновых кормов.

* * *

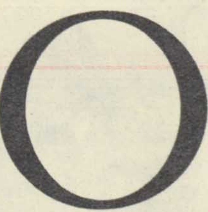
Уезжая из Молочного, я заехал проститься к Осминину.

— Приезжайте попозже, скажем, через год, увидите, как много успеют сделать ученые. Да и научные кадры тоже прибавятся,— сказал мне секретарь обкома.

Конечно, я приеду в Молочное. Свой родной поселок я зову теперь (и я убежден, по праву) Академселом.



Владимир ФИРСОВ



●

Какое счастье —
Дом родной иметь,
Иметь колодец с глубиной земною.
Какое счастье —
Мир запечатлеть,
Пожалованный отчей стороною.

Запечатлеть
Зеленый дым ветлы,
И пар
Над свежеиспеченным хлебом,
И глубину
Распахнутого хлева
С молочным духом сена и весны.

Запечатлеть
Тепло в пустых сенях,
Ребят,
Которым лужи не помеха,
И мужика,
Что думает, как ехать —
То ль на телеге,
То ли на санях?

Весною
Тянет в отчие края,
К тому ж родился я в конце апреля,
Когда вода спадала,
Птицы пели —
Все до единой,
Кроме соловья.

Я всякий раз по-новому гляжу
На то, чем жил
И чем живу отныне.
И все же большей, чем земля,
Святыни
На белом свете я не нахожу.

Казалось бы,
Земля везде одна.
Но тянет к той,
Возникшей от порога,
Где ждут меня,
Печалятся немного,
Особенно когда грядет весна.

Какое счастье —
Родину иметь,
Где жизнь полна и ласки и привета,
Где я вступил
В сороковое лето;
Сумев навек весну запечатлеть!

●

Звезда упала, и возник родник.

Родник
Был обнесен еловым срубом,
К нему
В трясине жерди пролегли,
Чтобы по ним
Веками
Друг за другом,
Взрослея и старея, люди шли...

Кусты ольхи да чахлые осины —
Все отзывалось грустью и тоской.
Под жердями
Замшелая трясина
Пружинила
От тяжести людской.

В тени
Горел огнем холодным лютик,
Проглядывало солнце иногда.
Менялись жерди,
И менялись люди,
Но оставалась прежнею
Вода.

И в чистоте своей не изменялась,
Была легка —
Тяжелая на цвет.
В том роднике
Речушка начиналась,
Поглядывая молодо на свет.

Она о вечной жизни говорила
На перекатах с лунною тропой
И в жаркий полдень весело манила
Усталые стада на водопой.

Звезда полей
Над ней была туманно
Сквозь сетку тростниковую
Видна.
Текла, текла речушка безымянно
К реке,
Чье имя знала вся страна.

Течет и ныне.
Лилии качает.
Торопится, в движении легка,
И каждой каплей влаги
Ощущает
Неторопливый трепет родника.

Торопится.
И обгоняет ветер,
Боясь, что не узнают никогда
О роднике,
Что и в болоте светел,
Как будто родила его звезда.

Потом
Она качает пароходы
В большой реке
На небольшой волне.
И благодарно
Вспоминают воды
Еловый сруб в холодной тишине.

●

За дальним полем,
За оврагом дальним,
За темным лесом,
За большой рекой
Восходит солнце по росе хрустальной
И нарушает розовый покой.

Над всей страной оно светло трепещет.
Под ним бегут, как добрая молва,
Гряда Курил,
Суровый Благовещенск,
Новосибирск
И древняя Москва.

Затрепетало солнце над Смоленском,
Над Ельней
И над Рославлем взошло,
Вошло в луга, в леса и перелески,
Лаская светом каждое село.

Покой дремотный весело нарушив,
Тепло земли незримо вороша,
Оно светло
Мне заглянуло в душу,
И озарилась радостью душа...

Она была всех душ материальней.
В нее вмещались
Все края страны —
От островов на Тихом океане
И до дунайской голубой волны.

Вмещались города,
Названья улиц,
Глаза друзей,
Чужих людей глаза.
Вмещались птицы, что с зарей проснулись,
И тишина вмещалась
И гроза.

Вмещался мир,
Огромнейший и древний.
И я от счастья чуть не зарыдал,
Когда узрел
В душе своей
Деревню,
Где я впервые солнце увидал.

ПОЛНОЛУНИЕ

Была неясною тревога,
И сердце билось тяжело.
И вдруг
Знакомая дорога,
Река, тропинка и село.
И травы дикие по пояс,
И сладость радости в груди.

Все позади —
Вокзал и поезд,
И тень тревоги
Позади.

Потом был вечер
Тихим-тихим.
Он брел задумчиво селом,
Неся с полей туман гречихи
С еще не стынущим теплом.

И ночь была,
Когда ни слова.
Все погрузилось в синеву.
И только сонная корова
Вздыхала нехотя в хлеву.

И взгляд доверчивый бросая
В прохладной ночи тишину,
Луна,
Как девушка босая,
Неслышно
Подошла к окну.

И заглянула прямо в сердце
За краешек ушедших дней —
Туда,
Где затерялось детство
С любовью бережной своей.

Казалось бы, такая малость —
Луна, взглянувшая в окно.
А в памяти
Уже плескалась
Ночь, позабытая давно.

Все было ясным, как когда-то.
И рядом девушка была,
Пришедшая в огне заката
С огнем июльского тепла.

Когда луна взошла над нами,
Ее не стали мы просить
Любви проснувшееся пламя
Холодным светом погасить.

Ты улыбалась мне сквозь слезы,
Тебя я видел, как сквозь дым.

Н И К

И уплывали ввысь березы,
И пахло сеном молодым...

Нам разойтись
В густом тумане
Навеки было суждено...

Не потому ль неясно манит
Порой
Забытое давно?
Твои доверчивые руки,
Твои глаза, что отцвели...

Все та же ночь.
Все те же звуки.
Все те же запахи земли.

И взгляд доверчивый бросая,
Когда мне было не до сна,
Луна,
Как девушка босая,
Не отходила от окна.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Я, как и многие,
Сполна
Познал земные беды...

Войны последняя весна
Была
Весной Победы.

Землянок чахлые дымы
Дымят —
С землею вровень.
Ушло дыхание зимы
Со льдом промерзших бревен.

Всходили яркие цветы
Над тишиной могильной.
Огни куриной слепоты
Желтели,
Словно гильзы.

На горестных полях войны,
Что вновь весной дышали,
Снаряды,
Словно кабаны,
Огромные
Лежали.

Жизнь проходила по весне
С цветением знакомым,
Напоминая о войне
Внезапным
Минным громом!

Мне позабыть невмоготу
Разрушенную кровлю,
Кусты черемухи в цвету,
Забрызганные кровью.

И тишина.
И ничего.
И жуткий женский голос...

Не стало друга моего,
Осилившего голод.
Мы с ним
Делили хлеб
Да соль,
Что редко выпадала.
И не остынет в сердце боль,
Коль вечной болью стала.

Он ждал отца,
Но не дожил.
Отец
Пришел не скоро,
Поскольку все еще служил
В Германии
Сапером.

●

Не всякому
Сердце мне выплеснуть хочется,
Ведь сердце одно —
Для друзей и врагов.
И так не хватает порой одиночества,
Как рекам
В разливе
Своих берегов.

Но сердце стучит
И на боль откликается,
Болея за правду, оно не молчит.
И если вдруг недруг
В неправде покается,
Оно от волненья
Сильнее стучит.

Я сердцем
Невзгоды земные приемлю...
Рожденным для жизни
И светлой любви,
Нам с кровью
Дарили родимую землю,
Извечно
Земное железо в крови.

Живу для людей
И не знаю покоя,
Как то заведенное веретено.
А если подумать,
Так счастье людское
В земном одиночестве заключено.

Земля во Вселенной
Века пролетает,
Живя одиноко
Средь прочих планет.
О, как одиночества мне не хватает,
На время, конечно.
Да времени нет.

Хоть счастье мое
Не прошло стороною,
Хоть я на дороге житейской
Устал,
Я людям отдал
Свое время земное,
Отдал навсегда.
И беднее не стал.

Я отдал им травы,
Весенние рощи,
Спокойные реки
И радуги цвет.
Не жаль!
Только сердце усталое
Ропщет,
Что на одиночество
Времени нет.

●

Ну, где, скажите, я еще найду
Холодную зарю,
Что согревает,
Хрустальный звон лазоревки в саду,
Который грусть неясно навевает?

Ну, где найду я
Эту тишину
С неярким солнцем,
С чистыми снегами
И неба голубую глубину
С отплывшими в безмолвье облаками?

Где мне найти
Столбы седых дымов,
Восставшие над крышами в рассвете,
На стеклах
Очертанье теремов,
Которых нет и не было на свете.

Ну, где найду я
Ласковее речь,
Чем здесь,
В родной с рождения деревне,
Где русская заботливая печь
Поет с рассветом
Голосом деревьев!

Ну, где найду я
Чистоту земли
И проруби дыханье в час покоя,
Лосиный след
От дома невдали
И в инее березу над рекою?

Ну, где любовь мне светлую найти,
Как не в родном краю,
Что всех милее?
Но я ее нашел вдали, в пути,
И вот о том
Ни капли не жалею.

Я счастлив с ней,
Как с родиной своей,
Да и она
Живет, еще не зная,
Что стала песней,
Тишиной полей,
Частицей моего родного края.

●

Уже давно
Безмолвны петухи.
Недолго и устало
Солнце светит...

Зимой порою пишутся стихи
Об осени,
Как осенью о лете.

Наверно, оттого,
Что в прошлом дне
Я сердца оставляю слишком много.
И этот день
Похож на свет в окне,
Что ночью
Проводил меня в дорогу.

Вокруг темно.
А свет горит, маня.
Ну, как мне на него
Не оглянуться,
Чтоб всей душой,
Всем сердцем прикоснуться
К тому,
Что стало прошлым для меня.

И возникают в памяти слова,
Как лилии со дна реки всплывая,
Напоминают мне,
Что речь живая
Всегда
Народной памятью жива.

И возникают яркие цвета:
Снега гречих,
Огонь рябин
И вечер —
Такой холодный
Перед жаркой встречей
У речки возле старого моста.

Слух обостренно
Памятью живет,
Знакомый голос
Тихо возникает
И, к огорченью, быстро умолкает,
А незнакомый
Суетно плывет.

Боль поднялась
Из потайных глубин
Моей души,
Чтоб я яснее видел
Все то, что в дне прошедшем
Ненавидел,

Все то, что с болью
Искренне любил...

О память, память!
К счастью, ты дана
Мне в дальний путь,
Чтоб смог я обернуться
На прошлое,
На свет того окна,
Куда еще не раз
Смогу вернуться.

●

Звезд поблекшие гроздья
Опадают в рассвет,
На следах от полозьев
Оставляя свой след.

В блестках санного следа
Заискрилась заря,
Как забытое лето
В тепле янтаря.

Над рекой
За кустами,
Где сугробы лежат,
Копны сена
Шестами
Зарю ворошат.

Солнце нехотя греет.
И бежит стороной,
В седине не старея,
Лес
На встречу с весной.

Ах, как тихо над полем,
Где озимые спят!
В тишине
Поневоле
Полозья скрипят

Я всем сердцем приемлю
В заревой тишине
Материнскую землю,
Что завещана мне.

Мне знакомы до боли
С детских памятных лет
Этот луг,
Это поле,
Беглый заячий след.

Эти сосны, и ели,
И сквозные кусты,
Где уснули метели,
Упав с высоты.

Хорошо мне под небом
Светом Родины жить
И по чистому снегу
С чистой совестью плыть.

●

Ледолом...
Ледоход...
Половодье...
Златогривое солнце опять
Золотые роняет поводья
На бескрайнюю водную гладь.

Сколько лет
Я не видел разлива,
Предрассветного неба над ним!
Тосковала плакучая ива
По размашистым веслам моим.

Без меня
Были дали раскрыты
И распахнута
Жажда земли.
Без меня
Молодые ракиты
К позабытой реке подошли.

И заря
Без меня
Просыпалась,
Озаряя на взгорье стада,
И в затопленных банях
Плескалась,
Просочившись сквозь щели,
Вода.

И земля, просыпаясь,
Дышала.
И моя дорогая родня
Каждодневный свой труд совершала
Без меня.
Без меня.
Без меня.

Без меня
Журавли прилетали,
Косачи
Пробуждали леса,
И с рожденья знакомые дали
Отзывались на все голоса.

И с печалью
Гляжу я сегодня,
Как приметно
Спадает вода.
Сколько ж я потерял навсегда!
Ледолом...
Ледоход...
Половодье...

И уже не вернутся года.

●

Ты мне прощаешь.
Все прощаешь,
Но с явным холодом в крови
Меня любить не обещаешь,
Как недостойного любви.

И в том привычном всепрощенье,
Когда тебе прощать не жаль,
Есть несомненное отмщенье
За причиненную печаль.

За незаслуженные слезы,
Как за любовь, что умерла,
За эту будничную прозу,
Что над поэзией взошла...

Я начинаю жизнь сначала
И думаю
С приходом дня:
Уж лучше б вовсе не прощала,
Чем так — вины не сняв с меня.

Но, веря в самоочищенье,
Как в день,
Когда любовь придет,
Уже я не прошу прощенья
И жду,
Когда вина спадет.

ЗАБОЛОТЬЕ

О, как я боюсь,
Что проститься
Придется с тобой навсегда...

Уходят деревни, как птицы,
Не за море, а в никуда.

И только печально
Закаты
Осенним бурьяном звенят.
И долго районные карты
Названья ушедших хранят...

Деревня моя Заболотье,
Забота и радость моя!
Всем сердцем, душою и плотью
Вросло ты в родные края.

Просторы вокруг оросились
И кровью и вдовьей слезой,
Которые смыла Россия
Победною майской росой.

Я столько здесь вместе с народом
Печали хлебнул и беды
В былые военные годы,
В дни послевоенной нужды.

Здесь столько сердечного света
Я в людях родных узнавал.
И флаг над моим сельсоветом
Светло ветерок развевал.

Вот мост над речушкой Соложей,
Вот омут, где спят голавли.
И не было в мире дороже
И нету прекрасней земли.

Плескались небесные сини
В озерах цветущего льна.
Была ты
Моею Россией
И ею
Остаться должна.

Пришлось тебе
Столько изведать,
Печалясь, грустя и любя.
Куда же, скажи, я приеду,
Когда вдруг не станет тебя?

Кому я стихи почитаю
У старых тесовых ворот
О тех, кто народ почитает,
О тех, кто забыл про народ...

Деревня,
Где смог я родиться,
Родные просторы окинь,
Останься крылатою птицей,
Но землю свою
Не покинь!

ПОЛДЕНЬ НА ПОКОСЕ

Скудный хлеб,
Вареная картошка —
Вот и вся нехитрая еда,
Да картуз незрелого горошка,
Сахаром казавшийся тогда.

Пили квас, как бы дела вершили
Мужики.
А женщины вдали
Скошенные травы ворошили,
Пахнувшие медом издали...

На июньском голубом покосе,
Где ручей заботливо бежал,
Привыкая к первой папиросе,
Я дымком отечества дышал.

Я сидел в прохладе липы старой
С тяжестью,
Подкравшейся к рукам,
И курил, счастливый и усталый,
Подражая втайне мужикам.

Самосад пьянил.
И мне казалось:
Жизнь была прекрасною всегда
И меня ни разу не касалась
Ни беда, ни черная нужда.

Вроде бы и не было
Бессолья,
Голода с могильною тоской,
Были только счастье,
Только солнце
С добротой и лаской людской.

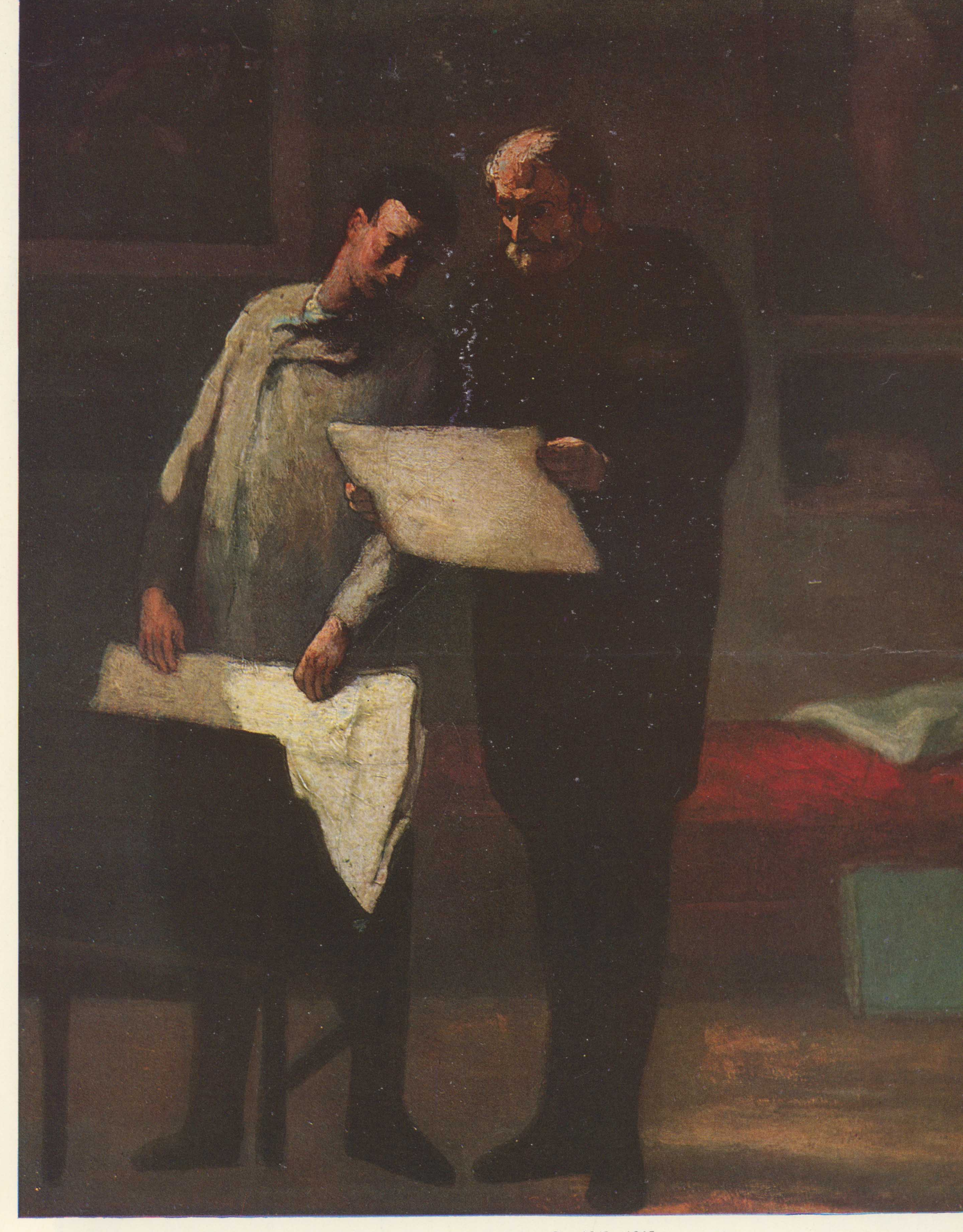
Ах, как сладко
Теплым медом пахло
В сутени под липою густой!
Мир полдневный
Настежь был распахнут —
Знойный, родниковый, молодой!..

Трудно мне забыть того покоса,
С отдыхом под липою, в тени,
Деда,
Что наладил папиросу
И сказал заботливо:
— Курни...

Вижу,
Как пестрит кисета ситец,
Слышу —
Дед с улыбкой говорит:
— Есть захочешь — табачок насытит,
Грустно станет — он развеселит...

Часто я тот полдень вспоминаю.
И когда одолевает грусть,
Молча
Папиросу разминаю.
Докурить ее не тороплюсь.

Сквозь ее дымок
Я вижу деда,
Вижу тех, кого на свете нет,
Чьи заботы, радости и беды
На земле
Оставили свой след.



Оноре Домье. 1808—1879. СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ХУДОЖНИКУ. Ок. 1863—1865.

Национальная картинная галерея. Вашингтон.

Томас Лоуренс. 1769—1830. ПОРТРЕТ АРТУРА ЭТЕРЛИ В КОСТЮМЕ ВЫПУСКНИКА ИТОНСКОГО КОЛЛЕДЖА. Ок. 1790—1792.

Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

В № 20 «Огонька» была опубликована статья С. Высоцкого «Доброта — это поступок». Редакция получила множество откликов читателей. Сегодня мы публикуем некоторые из них.

Материал «Доброта — это поступок» вызвал очень много мыслей, раздумий и воспоминаний. А главное — это чувство обиды за наговор на наших детей, на школу, якобы не воспитывающую у детей добрых чувств к животным. Меня этот вопрос очень волнует, потому что я всю свою трудовую жизнь отдала воспитанию детей дошкольного возраста. Три года работала воспитательницей в саду № 74 Ждановского района, а затем 20 лет заведовала садом автомобильного завода имени Ленинского комсомола. Сейчас мне 60 лет, я пенсионерка.

Факты, изложенные Л. Костыкиной и Л. Малицкой, глубоко волнуют, возмущают, вызывают негодование, но они не типичны для наших детей, а являются просто дикой случайностью. Я твердо убеждена, что этим поступкам предшествовало какое-то несчастье в семьях этих детей или их кто-то обидел, и они по-варварски отомстили.

За время моей долгой работы с детьми тоже были возмутительные поступки, но они были единичными, чаще всего обусловлены тяжелым душевным состоянием ребенка или какой-то драмой в семье.

Помню, в группе у меня появился Вова П. В их семье было пятеро детей, и все они поочередно посещали наш сад. Отец систематически пьянствовал, часто избивал жену. Обычно Володю приводили в сад старшие ребята, уже работающие...

У нас был «Уголок природы», в котором были домашние растения, аквариум с разными экзотическими рыбками, там же жила всеобщая любимица черепаха. Так как Вова П. считался «трудным» ребенком, то я ему чаще других предлагала кормить черепаху, рвать ей траву на участке, убирать ее жилище. Он все это делал ловко, быстро, с большой охотой и любовью. За это я часто благодарила Вову в присутствии детей, приучая детей уважать его труд. Он заметно бывал доволен, больше улыбался, становился добрее.

Но вот наступил незабываемый день, день, когда меня охватило отчаяние, сомнение, что воспитывать надо добротой.

А дело было так. Володя пришел на этот раз в сад один, сказав, что брат проводил его до угла нашей улицы и, дав подзатыльник, ушел. Дети вынесли на участок черепаху. Сначала они играли, затем сделали зарядку и собрались уже идти в группу. Вдруг кто-то крикнул: «Вовка убил черепаху!» От испуга, негодования я буквально потеряла дар речи и стояла как вкопанная. Вот, думаю, наверное, нельзя быть доброй! И тут же мозг сверлили мысли: «Что же делать? Как наказать?» Две девочки плакали. Я подошла, обняла их и села на стул. Мальчики пытались даже ударить Вовку. Но он сильный, рослый, легко от них отмахивался. Я старалась не смотреть в их сторону. Но когда наконец я увидела его глаза, в них была настоящая боль и слезы, испуга не было. Сразу захотелось подойти к нему, но я сдержала свой порыв и отвернулась. Тихо, почти шепотом пригласила детей к завтраку. Девочки закричали, чтобы Вовке не давать есть, но он и сам пробурчал: «Ну и не надо!» Ушел в сторону. Я молчала. Дети ели, Вова стоял у стены.

А я все продолжала думать: где черепаха? Как он ее убил, почему? Как мне его наказать? Когда нянечка предложила мне поесть, я громко сказала: «Я по горло уже сыта Вовкиными делами!» Вдруг он весь в слезах бросился ко мне, стал громко плакать и уверять: «Этого никогда больше не будет!» Долго я говорила с плачущим Вовой и, наконец, еще раз убедилась, что ничего не проходит для детей бесследно и ничто их так не озлобляет, как дурные, безнравственные поступки взрослых, которые ранят душу ребенка, вызывают в нем реакцию в виде недобрых, злых поступков.

Позже выяснилось, что накануне весь вечер и всю ночь пьяный отец Вовы буйствовал, бегал с ножом за матерью. Двое старших детей пытались сдержать его, убеждали словами, били, но все же матери пришлось ночевать с младшими детьми у соседей. Повидимому, эта ночь, драка и безобразное поведение отца дурно повлияли на Вову. Он тоже решил похвастать своей силой перед товарищами и швырнул большой кирпич в черепаху. К счастью, он ее не убил, она потом отошла. И как приятно было смотреть, когда провинившийся Вова нарочно приходил в сад пораньше, трогательно заботился о черепахе, словно бы вымаливая у нее для себя прощение.

Авторы писем просят защиты животных от детей. Да дети наши больше взрослых любят зверюшек! Надо только суметь развить в них это благородное чувство. Доброта взрослых будет залогом добрых черт у детей.

Б. ХАРИНА

Москва.

* * *

Прежде всего спасибо редакции, опубликовавшей материал «Доброта — это поступок». Сама тема весьма злободневна и крайне необходима. Но тем не менее с автором статьи я согласна не во всем. «Не будем называть фамилий»,— пишет С. Высоцкий. А почему бы не назвать? В только что родившемся ребенке заложены равные доли добра и зла. А вот что из него получится за человек, в огромной мере зависит от воспитания. Дурной пример родителей не может не сказываться на ребенке. Вот и необходимо, на мой взгляд, назвать фамилии, чтобы окружающие люди знали, с кем они живут и работают. За поступки несовершеннолетних несут ответственность их родители.

Не согласна я и с концовкой материала: «...и тогда не понадобятся законы об охране животных». Закон крайне необходим. Надо заставить подчиниться закону того, кто безнаказанно поднимает руку на слабое и беззащитное, ибо безнаказанность рождает сначала проступок, а затем преступления.

Н. РЫБАКОВА

Москва.

* * *

Перевоспитать статьями тех, кто творит зло, невозможно. Для них нужен закон, под страхом перед которым они прекратят издевательства над животными. Я знаю, что в республиках Прибалтики и Армянской ССР уже есть такой закон, а вот в РСФСР его нет.

В. МАЛЕЦКАЯ

Горький.

* * *

Меня давно волнует тема детской жестокости. Считаю, что в этом повинны мы, взрослые. Часто мы проходим мимо ребенка, бегущего с палкой по улице за кошкой, бросающего камешки в голубей... Мол, не мой ребенок, что я буду вмешиваться. А ведь воспитанность человека проявляется в каждом, даже самом незначительном поступке. Из малого вырастает большое. Бывают случаи, когда взрослые не только не удерживают ребенка от неблаговидных действий, а даже поощряют жестокость. У нас в Хабаровске, например, установлен порядок: за каждую пойманную собаку платят 1 рубль 50 копеек. Ловят беспризорных животных в основном пьяницы (на опохмелку) и дети. На приемных же пунктах деньги выдают и тем и другим, не делая разницы. Что из таких детей вырастет? Мне кажется, нужно пресекать в детях в самом зачатке проявления жестокости к животным. Ведь это может плохо кончиться.

А. ДЕМЕНКОВА

Хабаровск.

* * *

Прочитала материал С. Высоцкого и задумалась. Почему же так получается, что парни одного и того же возраста такие разные: одни пишут стихи, другие занимаются спортом, а третьи подвергают жесточайшим «опытам» животных. Неужели они не читали Есенина, который писал:

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Нет, не думаю, чтобы они не знали этих замечательных стихов. Просто и сложно объяснить их поступки. И от учителей еще не все зависит, чем и как занимаются ребята. Гораздо в большей мере ответственность лежит на родителях. Именно они виноваты в том, что не сумели воспитать в своем сыне хорошего человека, настоящего гражданина СССР. Мне всего 19 лет. И у меня почти нет никакого жизненного опыта, но я хочу сказать, что тот, кто издевается над своим другом — Природой, способен в любое время предать своих родных и близких, даже унизить свою любимую. Это самые настоящие дикари. Да, дикари в современной одежде с модными транзисторами и магнитофонами. Как я их всех презираю и ненавижу! Они попирают все самое беззащитное и самое нежное. Они уничтожают себя духовно. А как они потом смеют называть себя человеком! И требовать себе всех человеческих благ. И знаете, так вот подумаешь, что такой аморальный тип — твой ровесник, когда-то играл с тобой в детсаде, сидел за одной партой и смог совершить такое. Надеюсь, что люди серьезные, с большим жизненным опытом выразят не столько словами, сколько действиями свое возмущение, скажут «нет!» своим детям и внукам, чтобы потом каждый из них смог сказать:

И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

С комсомольским приветом ТИТОВА Нина.

Череповец.

* * *

Прочитав в вашем журнале статью С. Высоцкого «Доброта — это поступок», мне захотелось рассказать вам, как у нас на Памире относятся к животным.

В прошлом году летом в горах появились дикие собаки, которые по ночам спускались в кишлак и рыскали в поисках пищи, иногда даже нападая на домашних животных. Это вызвало недовольство людей. Я им доказывала, что они делают это от голода, и люди сами виноваты, прогнав их в свое время. Одну молодую самочку с большим трудом нам удалось одомашнить. Она приходила к нам по ночам, и мы ее кормили, а днем она уходила в горы. Но в один осенний день все собаки были уничтожены.

В декабре прошлого года мои дети привели в дом симпатичного щенка. «Пусть живет»,— думала я. Но каких только разговоров мы не наслышались из-за нашего кутенка: «Да вы лучше бы держали корову или овцу, так от них хоть польза».

А весной этого года кто-то подбросил у одного дома щенка. Дети, зная, что их родители не пустят собачку домой, построили для нее домик из камней. А один взрослый человек (воспитатель) пришел да развалил домик. И это все делалось на глазах у детей. И ему удалось добиться успеха в своем варварском воспитании: в тот же вечер один мальчик выбил стеклом щенку глаз. Но ребята унесли раненого щенка далеко за кишлак и там устроили ему новое жилище под большим камнем. Каждый день носят ему еду. Вы советуете учительнице английского языка с Камчатки проводить беседы по защите животных. Это хорошо. Возможно, там живут более добрые люди и смогут изменить свое отношение к животным. А вот у нас это очень трудно. Я очень люблю животных и птиц. Наблюдаю за их жизнью. Очень интересные рассказы о них можно написать. Но как сделать, чтобы и другие их любили?

М. ИОНОВА

Таджикская ССР,
к. Сохчарь.

* * *

Мы совершенно согласны с Л. Малицкой, что нужен закон, карающий за кровь животных. Жестокость с детских лет ведет к опасности, что, став взрослым, такой человек может поднять руку на своего брата. Семья, на наш взгляд, в первую очередь несет ответственность за поведение детей. Очень легко живут некоторые родители, их даже не интересует, чем занят ребенок, где он. Мы считаем, что лучше остановить вовремя преступление, предупредить его, издав закон, карающий издевательство над животными и птицами. О законе должно быть широко оповещено в школах, детских садах и среди взрослых. Конечно, нужно проводить беседы, телевизионные передачи, публиковать статьи в газетах и журналах.

А. ЕГОРОВА, БУКИНА, САМОЙЛОВА, ШАРОВАРОВ, КОРОБОВА, АВДЫКОВИЧ

Калининград,
Московской области.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

интервью «огонька»

ТУРГАЙСКИЙ ВАРИАНТ

«Провести научные исследования и осуществить на этой основе проектные проработки, связанные с проблемой переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн реки Волги».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Сегодня в подготовке этих грандиозных работ участвует более сорока научно-исследовательских институтов и проектных организаций. Трансазиатский канал протяженностью 2300 километров на первом этапе строительства пропустит в каждую секунду тысячу кубических метров воды, что равноценно Сырдарье или Дону, а на втором этапе канал обретет мощь Амударьи или Днепра.

В беседе с корреспондентом «Огонька» Л. Коробовой главный инженер Проблемы переброски северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн реки Волги ИГОРЬ АНДРЕЕВИЧ ГЕРАРДИ рассказал:

— Было много вариантов трассы будущего канала. Остановились на двух: Северном и Тургайском. Из них нужно принять один.

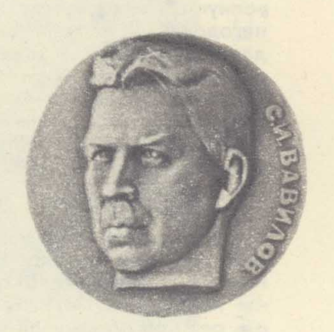
По Тургайскому варианту сибирская вода устремится из Иртыша к Центральному Казахстану и почти по прямой придет к Аральскому морю. Северный, или Широтный, вариант предполагает трассу канала через Уральский хребет к Волге... Обе трассы ведут к одной точке — Тегизскому водохранилищу, что в нескольких километрах от Аральского моря. Возможно, в будущем осуществят оба варианта, хотя преимуществ больше у Тургайского. Во-первых, трасса намного короче и проще в исполнении. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное: сибирскую воду получат промышленные города Зауралья и земли Казахстана, богатые полезными ископаемыми...

Вдоль трассы канала, там, где он пройдет через Каракумскую и Кызылкумскую пустыни, зазеленеют лесополосы, в степи появятся новые города и поселки. Трансазиатский канал вместе с реками-старожилами — горными и степными — оросит около семи миллионов гектаров засушливых земель. И к 1990 году площадь орошаемых земель в республиках Средней Азии и Казахстана удвоится, приблизится к тринадцати миллионам гектаров.

Вмешательство человека в судьбы природы, естественно, должно быть осторожным. Вот почему к проблеме переброски сибирских рек подключено столько организаций. Институт озероведения АН СССР работает сейчас над тем, как за счет сибирской воды помочь группе озер Чаны в Барабинской степи и десяткам больших и малых озер Центрального и Южного Казахстана. Ученые Института пустынь АН Туркменской ССР изучают перспективы озеленения пустынь не только в своей республике, но и во всей Средней Азии — и тут вся надежда на сибирскую воду.

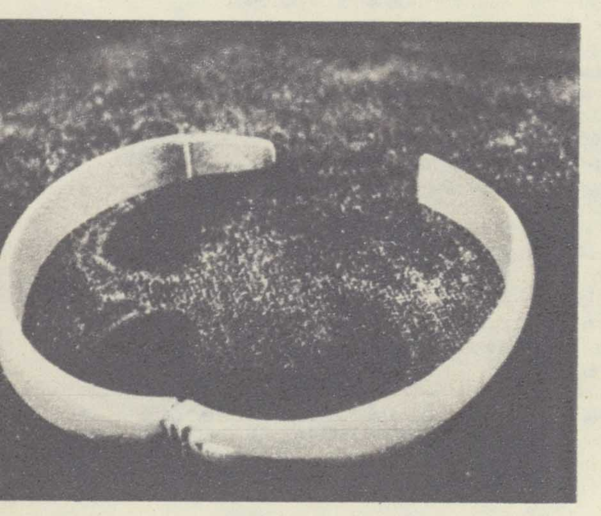
Московские геологи закладывают шурфы и делают съемки отдельных участков трассы, инженеры-дорожники проектируют транспортные пути. Дыхание будущей стройки ощущается уже сегодня.

ВРУЧЕНИЕ



БРАСЛЕТ ИЗ ВОЛОГДЫ

ГРУЗИЯ



Два события. Оба связаны с Вологдой... Сюда из Тбилиси прибыл строительный поезд. Бригады грузинских строителей создают крупный деревообрабатывающий комбинат, который внесет свой вклад в развитие нечерноземной зоны. Бригады работают по злобинскому методу.

И другое событие. Оно возвращает нас к давним временам. В апреле 1906 года в Вологде хоронили политического ссыльного из Грузии Иосифа Николаевича Хизанишвили. В тот день в городе никто не работал. Были страстные речи, призывы свергнуть самодержавие. В ту пору в Вологде жило немало политических ссыльных из Грузии, и они через газету «Северная земля» обратились к местной общественности с такими словами: «Вы встретили нас, как братья,— отзывчиво и горячо, вы поняли нас, и мы вас поняли. Наши мысли, наши душевные чувства слились в единую цель».

Сейчас на могиле Иосифа Хизанишвили установлен обелиск. У подножия всегда лежат живые цветы — дар сердец разных людей. Среди них и строители из Грузии. А в Тбилиси, в Государственном музее Грузии, хранится золотой браслет. 70 лет назад вологодцы прислали его в село Ховлэ, Горийского уезда, в семью Хизанишвили, которая лишилась кормильца. Прислали, чтобы материально подкрепить ее. Но браслет сохранили, его не тронули даже в тяжелые годы разрухи, войны...

Два события... А между ними крепкий мост из прошлого в наши дни.

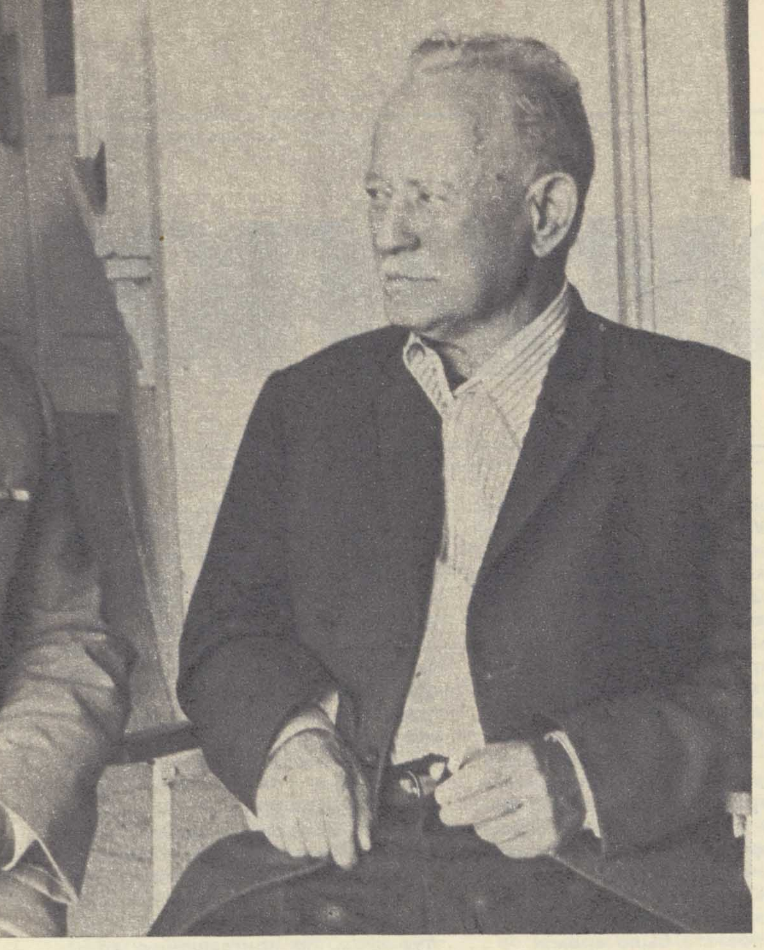
Ия МЕСХИ, собкор «Огонька»

СОЛНЕЧНОГОРСК

На празднике поэзии в Солнечногорске.

Фото В. Богданова.

VII БЛОКОВСКИЙ...



М. А. Шолохов беседует с профессором А. И. Егоровым.

НАГРАДЫ

21 июля в станице Вешенской Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Нобелевской премий Михаилу Александровичу Шолохову была вручена медаль Всесоюзного общества «Знание» имени выдающегося советского ученого, академика С. И. Вавилова. Почетной награды писатель удостоен за заслуги в пропаганде политических и научных знаний, в коммунистическом воспитании трудящихся. Вручил награду председатель правления Ростовской областной организации общества «Знание» профессор А. И. Егоров.

М. А. Шолохов поблагодарил за высокую оценку своего труда и отметил большое значение деятельности общества «Знание» в коммунистическом воспитании.

Фото В. Чумакова.

УСТЬ-ИЛИМСК

БОЛГАРЫ НА АНГАРЕ

В. КАДЖАЯ

Город спит крепко, непробудно, когда автобус подвозит к общежитию вторую смену. Три часа. Зимой говорили — ночи, а сейчас — утра, потому что летом на Ангаре светает сразу после вторых петухов. Солнце поднимается над Толстым мысом, разгоняет туман и щедро заливает землю. Лучи горячие, совсем как в Болгарии, и болгарские парни с удовольствием подставляют лица солнцу. Первая смена отправляется на вахту. Тот же автобус везет их на правый берег Ангары, там они пересядут на самосвалы, и начнется их рабочий день.

В гигантском карьере «КрАЗы» кажутся издали полуторками. Экскаватор под стать карьеру. В два приема загружает он самосвалище, на зеленой дверце которого красуется эмблема и надпись: «Усть-Илимск. Молодежки отряд Георги Димитров».

Болгары приехали на Ангару помогать строить Усть-Илимский целлюлозный завод.

Около сорока процентов сметной стоимости его оплачивают Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Румыния. Оплачивают в основном поставками машин, оборудования, материалов. В 1979 году намечен пуск первой очереди, и страны — участницы стройки будут получать целлюлозу пропорционально своему вкладу. Затем сотрудничество может быть продолжено на взаимовыгодной основе.

...Вечером иду в гости к болгарам. Дом девятиэтажный, но с берега Ангары кажется небоскребом, потому как залез на самую сопку. Болгары все черноволосые, смуглые, и только Виктор Простов выделяется русыми кудрями и серыми глазами. И темперамент у него не по-южному спокойный, скорее сибирский. Я спрашиваю: «Как твоя фамилия?» Он терпеливо, в третий раз повторяет: «Прóстов Виктор», а мне слышится «просто Виктор», и, уже раздражаясь, я допытываюсь: «Ну, а фамилия, как фамилия?» Наконец, уразумев, мы начинаем хохотать, а Иван Димитров, который привел меня к Виктору, хлопает себя по ляжкам и, всхлипывая, кричит: «Авас? Авас?»

Комната у Виктора уютная, окнами выходит в тайгу. Пахнет разогретой сосной. Виктор рассказывает, что зимой никаких запахов они не ощущали, даже бензина. Все забивал мороз. Ребята приехали в феврале. Было сорок два

Заместитель генерального директора Усть-Илимского ЛПК Иван Трофимович Смолянин (в центре) и болгарские шоферы.

Фото автора.

ниже нуля. Не представляли, как работать при таком морозе. А потом убедились, что можно.

Болгар определили в автотранспортное управление, и стали они в нем автобазой номер десять. Виктора Простова назначили начальником автобазы. На каждой машине экипаж — два человека. Один — в первой смене, другой — во второй. Сорок три экипажа — две бригады. В первой бригадиром — Иван Димитров, во второй — Илья Петров. Когда подводили итоги соревнования комсомольско-молодежных коллективов шоферов, болгары заняли оба первых места.

Виктор объясняет это так:

— Мы сюда привезли самых лучших шоферов. Со всех строек Болгарии взяли асов.

В Усть-Илимск что ни день прибывают эшелоны с грузами. Стальные конструкции поставляет ГДР. Завод уникальный. Он займет тридцать гектаров, и все 63 его объекта разместятся под одной крышей. Рядом строится ТЭЦ. Металлоконструкции для ТЭЦ изготавливаются в Румынии.

Болгары стали уже совсем сибиряками. И если надо дать утвердительный ответ, они не вертят отрицательно головой, как у себя на родине, а по-сибирски говорят «Ну!».

«Нравится ребятам в Усть-Илимске?» — спрашиваю Валентина Петрова, комиссара отряда, и он отвечает: «Ну!», — конечно, нравится. Ребята заключили контракт на год, но уже многие желают остаться дольше...

Россия Блока. Бескрайние ее просторы открываются взору, когда поднимаешься на высокий, поросший старыми деревьями холм, где когда-то находилась крохотная усадьба поэта Шахматово. В течение более чем тридцати лет почти каждую весну приезжал сюда Блок. Он любил этот уголок русской земли, затерянный среди полей, холмов и лесов Подмосковья. Здесь создал он многие жемчужины своей лирики, работал над поэмами, пьесами, статьями. Здесь вошла в его сердце Россия. Русская деревня и природа в стихах Блока — это Шахматово и окрестности его, и нет здесь места, «где бы я не прошел без ошибки ночью или с закрытыми глазами», — писал поэт.

В седьмой раз собрались в блоковские места на традиционный праздник любители поэзии. Вначале цветы к подножию единственного в стране памятника Блоку у школы № 1 города Солнечногорска, носящей его имя. Затем некоторые участники праздника побывали в Шахматове и в деревне Тараканово, где находится небольшая блоковская выставка.

Праздник поэзии в городском парке Солнечногорска открыл председатель исполкома Солнечногорского городского Совета Г. М. Добряков. И зазвучали стихи Блока и стихи, ему посвященные.

А примерно в пятнадцати километрах от города, там, где было Шахматово, теплый августовский ветер шевелил листья серебристого старика тополя, когда-то склонявшего свою крону над домом поэта, вспыхивали в лучах солнца зреющие плоды одичавшего шиповника да задумчиво тянулись ввысь стебли необычных для этих мест растений — потомки тех, что выращивал в саду Блок.

Советские люди свято чтут места, связанные с именами своих великих сынов — поэтов, писателей, художников. Минет четыре стремительных года, и наступит столетний юбилей Александра Блока. Необходимо поддержать усилия, которые предпринимаются Министерством культуры РСФСР, Союзом писателей, организациями Солнечногорска для восстановления Шахматова и создания там мемориального музея поэта.

В этом наш долг перед Блоком и русской культурой.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ВОРКУТА

В ЧЕСТЬ БОРИСА ВОЛЫНОВА

День, когда в Советском Союзе был осуществлен запуск космического корабля «Союз-21», командир экипажа которого — Герой Советского Союза Борис Волынов, стал в Коми АССР настоящим праздником: летчик-космонавт СССР — почетный гражданин Воркуты.

После успешной стыковки корабля «Союз-21» с орбитальной станцией «Салют-5» горняки самой молодой шахты в Воркуте, Воргашорская № 1, выступили с предложением развернуть среди предприятий города социалистическое соревнование под девизом «Дню шахтера — недели ударного труда». Недели эти они решили посвятить знатным людям страны. Первая неделя — Борису Волынову.

В соревнование вступили все шахтерские коллективы Воркуты. Каждый из них стремится быть достойным славы людей, в честь которых несет трудовую вахту. Кто они, эти люди? Г. Чернов — первооткрыватель Воркутинского угольного месторождения; П. Дунаев — машинист, который вел первый эшелон воркутинского угля, отправленного в осажденный Ленинград: В. Барсукова — первая женщина Воркуты, в грозные годы войны пошедшая в забой; В. Дончук — летчик, Герой Советского Союза, который в довоенные годы осуществил связь Воркуты с Большой землей...

В ходе соревнования многие шахты Воркуты досрочно выполнили семимесячный план.

Г. ТУРЬЕВ,
корреспондент газеты «Красное знамя»

Горняки шахты Воргашорская идут на смену.

Фото Р. Юнитера.

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

КОМУ ПОД

Мы тогда долго стояли на Красной площади и вспоминали где-то вычитанные слова, что с этой площади видна вся планета...

«Мы» — это молодежь «часовой столицы» ГДР, часовых дел мастера из древней Рулы, что так уютно разместилась в узкой долине у подножия скалистых гор Тюрингии: над островерхими ее домиками прошумели ветры многих столетий. А что касается «тогда», то это пора сравнительно недавнего незабываемого путешествия в Москву, пора первых знакомств с комсомольцами завода, о котором здесь, в Руле, знает и стар и млад,— Втором московском часовом.

Мой собеседник, секретарь заводской организации Союза свободной немецкой молодежи Бернд Леккер говорит о той поездке восторженно:

— С трепетом душевным прислушивались мы к бою кремлевских курантов. Сергей Сухов — мой коллега, вожак комсомольцев на Втором часовом заводе, рассказывал нам историю всемирно известных курантов. Хотя по радио мы не раз слышали их бой и многое уже знали о них — и о длине стрелок, и об уникальном механизме,— и тем не менее каждое слово Сергея было для нас значительным. И само собой получилось, что все мы, люди, для которых разговор о часах —разговор профессиональный, повели речь о времени вообще, о тех, кто сумел подчинить себе время...

Я сижу в заводском клубе рульских часовщиков, где по вечерам бывает шумно и многолюдно, где за кружкой пива оживленно обсуждаются последние заводские и городские новости. А сейчас полдень, и в клубе тихо. За длинным столом рядом со мной — люди разных поколений. Время оказалось не властным над их памятью, и она стремительно уносит нас в век минувший, когда в Руле появились первые часовые мастера, и в тревожные годы века нынешнего, в пору революционных манифестаций, стачек, тайных сходок.

Среди наших собеседников Бернд Леккер, пожалуй, самый молодой. Спортивного склада, высокий, обаятельный, с умным, энергичным лицом, он почтительно смотрит на стариков и, словно извиняясь за свойственный молодости всплеск эмоций, говорит мне:

— Старики поймут наше волнение на Красной площади... Я слышал, как товарищ Шмидт рассказывал о своей первой поездке в Москву, он тогда тоже очень волновался. Карл Шмидт был среди первых посланцев Рулы в красную Москву.

У Карла Шмидта не по возрасту живые глаза, завидная память. В его большой жизни (75 лет) воплотилась чуть ли не целая историческая эпоха. Он одобрительно улыбается Леккеру:

— Да, я был среди первых посланцев в большую Москву из «малой Москвы».— И, перехватив мой недоумевающий взгляд, объясняет: — В годы Веймарской республики на выборах в рейхстаг рабочие Рулы всегда отдавали голоса за партию Тельмана. Господа Тиль, бывшие хозяева нашего завода, и их чиновники окрестили тогда Рулу «малой Москвой». Это когда же было? Почти полвека назад по заданию компартии я поехал с группой специалистов в Москву. Господа Тиль подняли нас на смех: «Куда вы едете? Русские с ума сошли! Хотят свою первоклассную часовую промышленность создать... Если в Россию еще сто немецких специалистов приедет, все равно у них ничего не получится. Это же не плуги делать. Часы!»

Много тогда было споров. Вспоминали, как трудно было фирме «Тиль» после первой мировой войны переходить с производства запалов для гранат на выпуск примитивных детских и карманных часов. Уже в двадцатые годы с большим трудом удалось наладить производство часов из привозных швейцарских деталей. Притом у фирмы давние традиции, к концу прошлого века восходят. С малолетства тут люди были приучены к тонкому часовому делу. А русские с нуля начинают, с кустарных мастерских. И вот поди же, на весь мир объявили: «Будут у советских людей часы не хуже швейцарских!»

Карл Шмидт понимал, на что идет. Знал: когда вернется домой, работу не сразу получит. И ответственность большая. Контракт контрактом. Это, так сказать, сторона юридическая. Но есть еще и более важная — политическая. Задание партии. Что скажут о нем, коммунисте — с двадцатого года в партии,— если не сможет выполнить свой долг интернационалиста?

...На стол легли бережно сохраненные немецким мастером документы времен первой советской пятилетки. Заводской пропуск № 1816. Удостоверение: «Дано сие тов. Шмидту, что он работает на Московском госчасзаводе». Фотографии. Заводская столовая, дом на Таганке, где Карл жил с женой Эрной, работавшей вместе с ним. Цех, украшенный плакатом на русском и немецком языках: «За лучшее выполнение социалистических договоров — ударные бригады и ударники должны быть первыми». И еще одна пожелтевшая от времени фотография: девушки в юнгштурмовках, парни в косоворотках и кирзовых сапогах — комсомолия.

— Мои первые ученики — талантливая, трудолюбивая молодежь. Какое это было время!

Тонкими пальцами он осторожно берет со стола фотографию комсомольцев тридцатых, чтобы показать ее комсомольцу семидесятых — Бернду Леккеру: «Смотри, вот те, кто начинал, кто был на старте». Бернд пристально разглядывает каждое лицо: это у их дочерей и. сыновей принимал эстафету Сергей Сухов.

Карл Шмидт, его друзья с честью выполнили свой интернациональный долг, задание своей партии. В 1930 году тузы часовой индустрии на Западе немало были встревожены вестью с Востока: Москва дала первую партию первых советских часов. В тех часах была частица и его, Карла Шмидта, труда, разума, сердца. Он покинул Москву лишь тогда, когда уже вошли в силу подготовленные, обученные им мастера, когда бесперебойно стали работать налаженные им станки.

Радость возвращения домой, в Рулу, была омрачена: хозяева сдержали свое слово. «Смутьяны», те, кто пожелал помочь красным, остались без работы. Да и у самих хозяев дела основательно пошатнулись — кризис! Не выдержав конкуренции со Швейцарией, они вынуждены были прекратить производство часов высокого класса. И среди тех, с кем в первую очередь сочли нужным разделаться господа Тиль, был Карл Шмидт и его единомышленники.

Но не удалось хозяевам запугать рабочих Рулы, поколебать их веру в великую силу пролетарского интернационализма. Мои собеседники говорят об этом страстно, с гордостью.

— Все началось с эсперанто. Был в Руле рабочий клуб эсперантистов. А я в том клубе — завсегдатай. Прихожу как-то к председателю нашей партячейки и, захлебываясь от восторга, рассказываю, что установил связь с минским эсперантистом по фамилии Кирюшин.

Слушаю старика Карла Ферча и легко представляю его молодым коммунистом — он с двадцать седьмого в партии,— задиристым, напористым, мастером на все руки: и в хоре поет, и эсперанто увлекается, и спортом. Однажды председатель ячейки предложил:

— А что, если ты попытаешься через Кирюшина узнать, согласны ли минские товарищи обменяться с нами красными знаменами? И советское красное знамя будет развеваться над колоннами наших демонстраций. Ну, что скажешь, Карл?

...Вскоре вся рабочая Рула знала, что есть в Минске завод «Коммунар», куда Карл Ферч повезет знамя немецких товарищей. Провожали молодого парня торжественно и тревожно: как там, на границе, дело сложится? Документ ему выправили отличный — едет туристом, по приглашению друга, Кирюшина,— соответствующая телеграмма из Минска пришла. А вот сумеет ли тайком провезти красное полотнище, на котором руками женщин Рулы было вышито: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Рабочим города Минска от рабочих Рулы»... Решено было запрятать знамя в чемодан, что пойдет багажом.

Неизвестно, то ли нашелся провокатор, то ли среди польских таможенников оказались большие мастера своего дела, но на польской пограничной станции багаж немецкого «туриста» особо тщательно проверяли и со дна чемодана, как бомбу, извлекли знамя.

Ферч протестовал, возмущался, но чиновники-пилсудчики цедили сквозь зубы: «Пусть пан благодарит, что он остается на свободе...» Карл решил, что ему все же надо проследовать на советскую пограничную станцию и сообщить о случившемся. Советские пограничники успокоили его и посоветовали ехать в Минск: «Там видно будет, как действовать».

Минчане сердечно приняли немецкого коммуниста. Белорусские рабочие направили протест в польское посольство.

...Случилось все это почти полвека назад, и тем не менее Карл Ферч в деталях рассказывает, как незамедлительно знамя было доставлено в Минск; и как он торжественно передавал его рабочим завода «Коммунар», а в ответ ему вручали красное знамя минчан; и какой это был радостный день, когда он шагал по Минску в колонне демонстрантов — праздновали годовщину Октября — и нес тот самый алый стяг! Тысячеголосое "Рот фронт!" прозвучало на главной площади Рулы, когда председатель городского комитета КПГ принимал из рук Карла Ферча флаг «коммунаров».

С тех пор он неизменно развевался над колоннами рабочих Рулы, когда они выходили на демонстрации.

Когда к власти пришли фашисты, Рулу захлестнула волна коричневого террора. На квартире председателя местной ячейки КПГ Кар-

ЧИНЯЕТСЯ ВРЕМЯ

ла Пешера были проведены один за другим несколько обысков: искали русский флаг. Искали и не нашли. Пешера арестовали, пытали. Он знал, где хранится знамя — его надежно спрятали рабочие Рулы. Знал и молчал. Тогда на допрос вызвали жену Пешера Юстину. Она заявила, что, обманув мужа, сожгла алое полотнище. Поначалу ей поверили. Карла Пешера выпустили из тюрьмы. Но поиск флага не прекращался. Фашисты продолжали угрожать, допрашивать. Возникло сомнение в достоверности показания Юстины. Нацисты объявили вожаку коммунистов, что он не получит работу, пока не скажет, где знамя. Карл молчал. Его отправили в концлагерь, однако нацисты так и не узнали, что знамя хранится недалеко от полиции, в доме коммуниста Эдмунда Рауха: оно лежало в одной из диванных подушек, и, когда приходили с обыском, теща неторопливо выносила их во двор — пусть проветрятся... Весной сорок пятого, в день, когда в Рулу вступили советские войска, знамя победно взвилось над городской ратушей, чтобы потом занять почетное место в музее.

И тут я услышал имя советского человека, о котором в Руле вспоминают с уважением и благодарностью.

— Этот клуб, где мы сидим с вами, строили при нем. Вот эти часы,— и главный технолог завода Вальтер Данц кивнул на свою левую руку,— я получил от него, премия директора Бочарова. Он был первым послевоенным директором нашего завода в тяжкое для нас время, когда Германия расплачивалась за фашистские злодеяния. Завод должны были демонтировать — а как же иначе, он поставлял Гитлеру взрыватели! Рабочие Рулы переживали: не будет завода, на котором работал ты, твой отец, дед, прадед. И тут произошло такое, чего никто у нас не ждал. Советская военная администрация решила не только оставить завод на месте, но и помочь ему вернуть былую славу. В ту пору и приехал к нам из Советского Союза инженер Иван Бочаров с группой специалистов. Его назначили директором завода.

Бывшие ученики немецких мастеров сами стали учителями. Люди, которые с помощью специалистов из Германии когда-то овладевали секретами точной механики, теперь передавали братьям по классу свои производственные секреты.

Бывший владелец завода Тиль сбежал на Запад, вместе с ним сбежали из Рулы и крупные специалисты. В СССР в ту послевоенную пору не хватало инженеров, мастеров, рабочих. Но Советское правительство сочло возможным помочь Руле: и людьми, и деталями часовых механизмов.

— Когда я приехал в Рулу,— рассказывал мне Иван Иванович Бочаров, с которым я беседовал позже в Москве,— на заводе работало человек двести, делали простые бескамневые часы. Когда же я уезжал в Москву, на часовом было уже две тысячи человек. Мы помогли немецким друзьям освоить производство часов высокого класса точности. Вскоре завод стал народным предприятием, собственностью Германской Демократической Республики.

С тех пор год от года крепли узы дружбы, взаимопомощи, научно-технического сотрудничества московских и рульских часовщиков. И вот плоды этой дружбы.

— Несколько моделей часов из Рулы,— перечисляет Вальтер Данц,— удостоились высшего балла качества и завоевали достойное место на мировом рынке. Наши рабочие, как и ваши, борются за эффективность производства, высокое качество, высокую надежность, ищут резервы. Отличные результаты дает объединение усилий рульских и московских часовщиков, их дух творчества, поиска. Если будете на Втором часовом, обязательно передайте привет...

Одна из страниц моего блокнота так и озаглавлена: «Приветы из Рулы». Фамилии, адреса. И не только московские,— Карл Ферч надеется, что я побываю в Минске, и поэтому продиктовал адрес Павла Кирюшина («Я с ним в последний раз в пятьдесят восьмом году виделся»). А Карл Шмидт шлет привет москвичу Николаю Алексеевичу Кочеткову («Отличный мастер. Мы в тридцатом рядом трудились. Потом в семьдесят четвертом встретились, когда Второй часовой свой юбилей отмечал»). Вальтер Данц советует побывать в дирекции Второго московского часового («Там вам подробно расскажут, как москвичи помогали нам и как мы передавали им наш опыт»). Ну и, конечно, самые душевные приветы Ивану Ивановичу Бочарову.

Я постарался выполнить все поручения моих рульских друзей. Кроме одного. Я позвонил секретарю заводского комитета комсомола Сергею Сухову и сказал, что хочу встретиться с ним и подробно рассказать по поручению Бернда Леккера, как привилась в Руле идея наставничества, как успешно применяется опыт московских комсомольцев в организации социалистического соревнования. Сергей ответил мне:

— Давайте встретимся через две недели. Мы вам самые свежие приветы из Рулы передадим: завтра уезжаем в гости к своим немецким друзьям. С ответным визитом.

Они долго стояли на Красной площади, молодые мастера часовых дел из Москвы и Рулы.

Сергей Сухов приветствует гостя из ГДР Бернда Леккера. **Фото Л. ОРТНЕР.**

Сцена из спектакля «Чудаки»: А. Корнилова (Елена), В. Запорожченко (Мастаков).

Фото И. Рабиновича.

БРЯНСКИЙ ТЕАТР: ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕЗОН

Брянский государственный драматический театр, удостоенный недавно высокой награды — ордена Трудового Красного Знамени,— начал свой 50-й сезон и гастроли в Москве спектаклем «Эхо брянского леса». Пьеса написана бывшим партизаном Семеном Шаровым и воскрешает незабываемую страницу народного подвига. Роль командира отряда исполняет артист Николай Лисовский, участник партизанского движения на Брянщине. Москвичи помнят эту постановку. Впервые она была показана в столице в 1960 году. А в прошлом сезоне мы увидели постановку «Чилийской трагедии» Ю. Чепурина. Оба спектакля в репертуаре Брянского театра продолжают и развивают героико-революционную, патриотическую тему, тему пролетарского интернационализма.

Недавно трудящиеся Брянска отметили 10-летие дружбы с болгарским городом-побратимом Кюстендилом. Творческие отношения связывают и театры этих двух городов; на сцене Кюстендилского окружного драматического театра имени Крума Кюлявкова идет «Эхо брянского леса», а в Брянске — пьеса болгарского драматурга Ивана Василева «Светла», поставленная главным режиссером Виктором Терентьевым и оформленная Иваном Йордановым — художником Софийского национального театра имени Ивана Вазова.

Бесспорно, тема спектакля «Светла» интересна и для советского зрителя. На строительстве большой электростанции работают два молодых инженера: Светла и Огнян, они любят друг друга, но потом расстаются. Сюжет едва ли не древнейший в мировой литературе и вечно живой.

Да, идет стройка, мы слышим ее индустриальный грохот, видим вспышки электросварки, стальные конструкции опор. Человеческий разум и труд способны творить чудеса, утверждает болгарский драматург, и с ним соглашается режиссер В. Терентьев: это так, и это прекрасно, но разве мы перестали любить и страдать?..

Спектакль обнажает перед нами человеческую суть отношений, несколько приглушая «производственную» тему. Такое прочтение пьесы позволило артистам З. Багаевой и В. Запорожченко избежать ложного пафоса и создать образы живые, действительно интересные, волнующие зрителя. С грустью расстаемся мы с героями... Зато сколько радости, веселья обрушивает на нас комедия белорусского драматурга А. Делендика «Операция «Многоженец», поставленная режиссером В. Голубом. Комедия-карнавал с музыкой и танцами и, как пишет автор, «с сердечным приступом», остроумно высмеивает тупость не в меру бдительного администратора Рубайло. В исполнении заслуженного артиста РСФСР Г. Постникова это яркий комедийный тип дурака-бюрократа. Весело на сцене, весело и в зрительном зале. Приключение скромнейшего ученого Бабочкина (В. Грозев), возведенного молвой на пьедестал любимца женщин, интриги директора Института охраны нервной системы (В. Сорокина) — все это действительно смешно.

Гастрольная афиша Брянского театра обширна. Разнообразие жанров и тематики дает возможность с разных точек, объемно увидеть творческий коллектив. Острая публицистичность спектаклей «Чилийская трагедия», «...И вечный бой», «В графе «отец» — прочерк» позволяет театру говорить о важном, актуальном, как, впрочем, и комедийность «Операции «Многоженец», лиричность «Светлы».

Брянский драматический театр за полвека своего существования поставил многие произведения классиков русской и зарубежной драматургии, справедливо считая их самой лучшей школой мастерства. К юбилею театр искал произведение, которое могло бы стать открытием не только для зрителей, но и для режиссера, актеров. Такой пьесой стали «Чудаки» А. М. Горького.

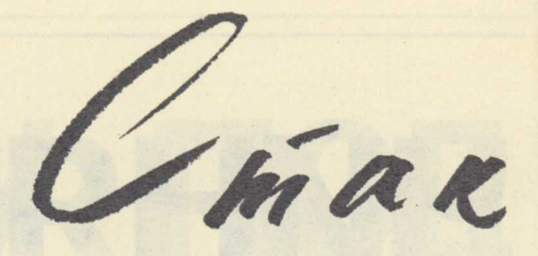
Противоречия «чудаков» с жестокой российской дореволюционной действительностью, друг с другом, с собой тонко переданы актерами, сострадающими своим героям. Артисты А. Корнилова (Елена), В. Запорожченко (Мастаков), В. Васильев (Вукол Потехин), В. Богатырев (Самоквасов), В. Сорокина (Ольга), В. Борисов (Николай), Ю. Павлов (Турицын) вызывают у нас не улыбку, а боль и жалость за людей, в общем-то хороших людей, но не сумевших сделать ничего хорошего ни для человечества, ни для себя.

Премьера «Чудаков» состоялась в Москве. Она стала самым значительным событием и гастролей и юбилейного сезона Брянского театра.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Григорий КРОШИН

ФЕЛЬЕТОН



Не знаю, как на вашей, уважаемый читатель, а лично на моей улице если уж жарко в июле, так жарко. И если уж ветер, то, как правило, южный. Не знаю, как вы, а лично я в такую пору пить хочу. Просто нестерпимо хочется в это горячее солнечное время чего-нибудь ледяного и освежающего.

Итак, я иду по этой улице Кишинева, хотя нет... Одессы, вернее, Красноярска... жадно гляжу по сторонам, а никак не могу остановить взгляд на таких знакомых прежде (то есть не в столь жаркие дни) красных чудо-ящиках со светящимися словами «Газированная вода»...

И вот что странно, читатель. Вы не замечали, что на ваших улицах в Москве... нет, вернее, в Минске... или, пожалуй, в Череповце... ну, в общем, в вашем городе зазывные слова автоматов гаснут в тот момент, когда тридцать градусов в тени и когда ветер южный? Скажите, разве вам не приходилось видеть, как выбивают из молчаливого агрегата современной технической мысли причитающийся ему глоток воды за опущенные и невозвращаемые три копейки?

Конечно, лупить по железному боку автомата не следует. Но мы не будем сейчас рассуждать об отдельных маловысококультурных гражданах, а поговорим о несоответствии агрегата своему назначению.

Поэтому двинемся дальше по улице Семипалатинска... вернее, Баку... нет, скорее всего, Ставрополя — словом, того самого города, где есть автоматы с газированной водой. Вот он, родной, сверкающий на солнце свежей краской. Бросил монету — никакого толку, опустил вторую — то же самое. Прямо хоть зови механика. А механик тут как тут.

— Ничего не выйдет,— поясняет он.— Во-первых, давление воды в водопроводе все время скачет. Во-вторых, вышел из строя сиропник, вам не сладко, да и нам от этого горько... В-третьих, в механизме застревают монеты. А даже если и выдаст автомат порцию крем-соды, вы пить не станете. Теплая. Такой в нем холодильник установлен.

...А между тем солнце нещадно палит. Жажда толкает вперед. Бегу в поисках глотка воды. Вот, думаю, где повезет, так это на заводе, который изготавливает эти самые агрегаты. Там заодно все и выясню. Прибегаю на Перовский завод торгового машиностроения — и прямо в кабинет к главному инженеру товарищу Гаврикову О. Д.

— Олег Дмитриевич, вы случайно не знаете,— начинаю издалека,— почему в городе в такую жару воды напиться негде?

— Это — дело торговли. А мое дело — дать им автоматы.

— Но ваши автоматы... как бы... не совсем отлично работают, что ли... Вода в автоматах частенько не совсем ледяная, а еще более часто — просто теплая...

— Холодильники нам поставляет Харьков, так что...

— Так что вы не виноваты? Ясно. А вот сиропники...

— Сиропники нам присылают из Ленинграда, так что...

— Ясно. Неясно только, почему в городе все-таки нельзя выпить стакан газировки.

— Виноваты во всем работники торговли. Не умеют они еще пользоваться нашими автоматами. Не соблюдают инструкцию, вскрывают механизмы, переделывают автоматы на один вид сиропа, неправильно пользуются замками...

Бегу в торговлю, в Автоматторг, прямо к главному инженеру товарищу Медведеву Н. А.

— Николай Александрович,— спрашиваю с порога,— не найдется ли стакана газировки?

— Что вы, дорогой товарищ!..—

ТИШИНА — НЕ БЕЗЗВУЧИЕ

В сборнике стихов под названием «Камертон» собраны произведения поэтов — членов Всероссийского общества глухих. Поэзия их отмечена глубоким проникновением в пласты жизни, в ее не только цветовое, но и звуковое разнообразие.

Тишина — не беззвучие,
Как недвижность —
не смерть.
Тишину можно слушать,
Если слушать уметь.

Так пишет Э. Вишневская в стихотворении «Тишина», пронизанном светлой верой в творческие возможности человека, в его стойкость.

Высокая гражданственность присуща и поэзии Н. Новосельновой, санинструктора в годы войны, выпускницы Литературного института, члена Союза писателей СССР, автора четырех поэтических сборников. Ее

Камертон. Сборник стихов. М., «Московский рабочий», 1975, 56 стр.

...ан воды

отвечает главный инженер.— Сами мучаемся от этой жажды.

— Но ваши автоматы...

— Разве это автоматы?! Смех один. Ну, судите сами: механиков нет, места для автоматов нет, подсобок нет, стаканов нет... Чего же еще нет?.. Ах, да! Запчастей нет! Не хватает у нас ни стаканомоек, ни замков, ни импульсных счетчиков, ни сиропников, ни многого другого...— Главный инженер перевел дыхание. Было похоже, что он сам не ожидал такой впечатляющей картины.— Теперь вы понимаете, как нам трудно работать? И несмотря на это, у нас большие успехи. По сравнению с недавним прошлым.

И он подробно разъяснил мне, какие именно успехи. И получалось вроде, что никто ни в чем не виноват, все работают не покладая рук, и каждый на своем конкретном участке отлично делает свое скромное дело. Но автоматы не работают...

— Смотря что вы вкладываете в понятие «не работают»...

— Не работают,— сказал я,— это когда не дают воды.

— Ну, вы рассуждаете, как дилетант! — рассмеялся Николай Александрович.— Это еще не значит, что не работают. А задумывались ли вы хоть раз, почему данный автомат не работает в данную минуту?

— Нет,— честно признался.— Когда хочешь пить...

— А подумали ли вы, что, может, механик заболел? Или неожиданно отключили воду? Или ведутся срочные подземные работы? Или вышел из строя импульсный счетчик? Кстати, по этой причине не работает пятая часть всех автоматов. Не задумывались? То-то! —Я ушел посрамленный. И вправду, как мало мы еще порой думаем о тех, кто нас обслуживает, одевает, кормит или возит на работу и обратно! А стоит задуматься — и сразу же почти все наши неприятности станут уже не такими неприятными, а наши сложности — не столь сложными...

Нахамил водитель автобуса — ну и что?! Может, у него дома не все в порядке? Может, теща заела. Перекосили вам пальто в ателье? Подумаешь, какое дело! А может, от закройщика жена ушла? А может, времени у него на ваше пальто не было: играл в домино. То-то! А тут какой-то несчастный стакан газировки! Ну, не работают пять автоматов из семи на Дерибасовской в Одессе. Ну, теплая жидкость непонятного цвета еле-еле струится в агрегате технической мысли на проспекте Руставели в Тбилиси... Ну, делово! Из-за этого стоит такой огород городить, возмущаться, тратить свои нервы и чужие!

Что? Пить в жару хочется? Нет сил терпеть? Никогда не поверю. Сам совсем недавно так же вот совершенно бездумно хотел пить, а теперь...

Мой вам совет: захотите пить — подойдите к механику или пойдите на завод неалкогольных напитков или в первое попавшееся управление торговли. Там вам спокойно все объяснят, поделятся своими тревогами и заботами. И вам сразу же станет легче. И вы поймете, что выхода нет, что виновата во всем... солнечная система.

Ну, а если уж и это вас не убедит, тогда приезжайте в мой город. Не знаю, как на вашей, уважаемый читатель, а лично на моей улице сохранился еще отличнейший киоск. Работает там не автомат, а живой человек, старая знакомая тетя Клава. Даже в самую свирепую жару она на своем посту. При любом состоянии солнечной системы у нее всегда можно пропустить стаканчик-другой холоднейшей и вкуснейшей газировки. С двойным сиропом!

судьба — судьба многих советских людей, прошедших Великую Отечественную. Через годы пронесла поэтесса чувство фронтового братства, боль по погибшим друзьям. И ощущение какой-то вины перед этими друзьями, не дожившими до салюта Победы...

Мы все делили:
от сухарных корок
До отдыха в махорочном
дыму,
Но под фанерной звездочкой
пригорок
Ему навек достался одному.

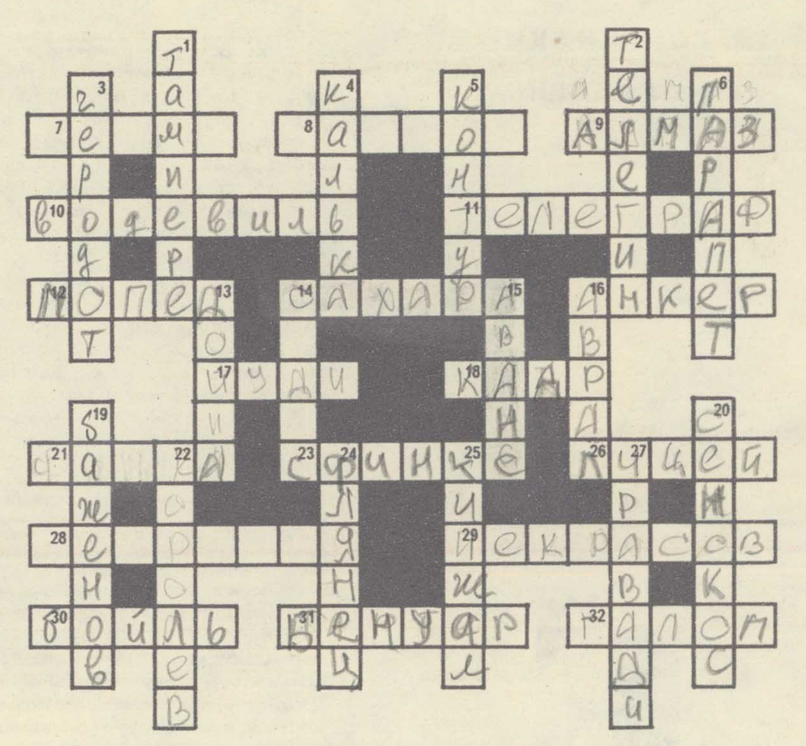
Все изменилось в мире после небывалой в истории человечества битвы. И когда «в пыльной шинели пришла я домой, только и дома не так, как было: ива под окнами стала немой, а ведь когда-то она говорила». Какая беспощадно трагическая деталь — немая ива!

Иного творческого склада И. Исаев. Но это и закономерно: он принадлежит к послевоенному поколению. И черты этого молодого поколения запечатлены в стихах поэта, умеющего тонко передавать сложные чувства человеческих взаимоотношений: «Что же ты? Улыбнись, запой, громче, звонче — на всю тайгу! Снег и солнце. И я с тобой, нарисованной на снегу». Для И. Исаева характерен интерес к истории, современность в его произведениях тесно связана с прошлым. Образы И. Исаева самобытны и впечатляющи. Их истоки в глубинах народного творчества, в фольклоре:

Убежала Ангара от Байкала.
Убежала —
а зачем? а куда?
Ну чего же ей еще
не хватало:
И радетель
и бобром борода!

Интересны, содержательны стихи многих авторов «Камертона» — Б. Комашинского, П. Горшкова, В. Ларичева, Л. Акакиева и других. Не перечисляя всех, можно утверждать, что читатель не останется равнодушным к сборнику, ибо стихи, вошедшие в него, написаны людьми талантливыми и увлеченными.

Николай НИКИШИН



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Областной центр в РСФСР. 8. Матросский танец. 9. Драгоценный камень. 10. Комедийный жанр. 11. Учреждение связи. 12. Велосипед с мотором. 14. Пустыня в Африке. 16. Часть ходового механизма часов. 17. Повесть И. С. Тургенева. 18. Отдельный снимок на ленте кинофильма. 21. Холодное оружие. 23. Древнеегипетская статуя. 26. Среднее учебное заведение в некоторых европейских странах. 28. Огородное растение. 29. Великий русский поэт. 30. Английский физик. 31. Театральные ложи. 32. Быстрый аллюр.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Город в Финляндии. 2. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 3. Древнегреческий историк. 4. Прозрачная бумага или ткань, применяемая при черчении. 5. Очертание предмета. 6. Ограда моста, набережной. 13. Щипковый инструмент. 14. Остров в Эгейском море. 15. Деньги, выдаваемые под отчет. 16. Работа на корабле всей команды. 19. Русский архитектор XVIII века. 20. Сельскохозяйственная работа. 22. Советский конструктор ракетно-космических систем. 24. Соединительная часть трубопровода. 25. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Река в Бирме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Вокализация. 8. Бульвар. 9. Секатор. 11. Болонья. 12. Глава. 15. Тиски. 18. Смальта. 21. Амазонка. 22. Черепица. 24. Сарафан. 25. Бажов. 27. Батат. 29. Энеолит. 34. Гадулка. 35. Колизей. 36. Подосиновик.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Копье. 2. Бамако. 3. Равель. 4. «Титан». 6. Зуева. 7. Лотос. 10. Коала. 13. Лукашка. 14. Волокно. 16. Индейка. 17. Косилка. 19. «Млада». 20. Точка. 23. Салон. 26. Жираф. 28. Терем. 30. Наксос. 31. Изотоп. 32. Купол. 33. Витим.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Разведчики Поладаурской геологической партии ищут новые месторождения меди в районе Маднеули.

Фото Э. Эттингера.
(См. в номере материал «Стояла гора...».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Студенты Вологодского молочного института.

Фото М. Савина.
(См. в номере материал «Академсело».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/VII — 1976 г. А 00692. Подп. к печ. 3/VIII — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1794. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2572.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

КЛОУН

Евг. ГОРТИНСКИЙ

Фото А. НЕВЕЖИНА.

Если бы можно было коллекционировать смех, как филателисты собирают марки: по разновидностям и оттенкам! Смех детский, звонкий, как колокольчик. Смех сочувственный. Смех до изнеможения, до слез. Смех задумчивый. Смех радостный...

Он сам создает этот смех, управляя цирковым амфитеатром, как дирижер оркестром: то вызывает громовые раскаты хохота, то улыбки, бегущие по рядам. То смахивает мгновенно смех вместе с аплодисментами, воцаряя тишину. Книга, которую он пишет вот уже сорок лет, называется «Происхождение смеха и роль смеха в жизни человека».

За кулисами старого Московского цирка на Цветном бульваре на дверях гардеробных — таблички: «Артисты С. Игнатов, М. Осинская», «Артисты Ю. и В. Пантелеенко». На его двери одно слово —«Карандаш».

У него старая, устойчивая слава. Поэтому он не любит назойливой рекламы, считая, что она унижает славу.

В своей гардеробной он сидит перед зеркалом, седой и строгий, в белой рубашке с расстегнутым воротником, и аккуратно расчесывает рыжий парик. Когда же надевает вместо парика свой синий берет и степенно выходит на улицу, он скорее похож на академика или заслуженного врача. Но его все равно узнают. Тем более, что рядом семенят два шотландских терьера: две Кляксы. Он любит рассказывать полуанекдотическую историю о том, как два приятеля побывали за кулисами цирка. «Хорошо, конечно, что мы познакомились с народным артистом СССР Михаилом Николаевичем Румянцевым, жаль только, что самого Карандаша не видели».

Азбуку манежа он постигал в бывших расторгуевских конюшнях, которые потом были переданы курсам циркового искусства; атрибутика арены на 5-й улице Ямского поля соседствовала с колесами и оглоблями, оставшимися от гужтрансовских обозов; так готовилось первое поколение советских артистов цирка. В те годы журнал «Цирк и эстрада» пестрел объявлениями:

«В труппе или с партнером, имеющими реквизит и костюмы, желаю работать гимнастной. Возраст 23 года. Предложения только деловые».

«Ищу место наездницы (вольтиж, гротеск, джигитовна) или танцовщицы в группе, семье, с партнером. Возраст 22 года. В цирке работаю с детства».

Тогда он не имел представления о цирке. Наверное, он скорее бы научился делать из жести чайники по примеру отца, работавшего на питерском заводе «Сименс-Гальске», чем крутить сальто на манеже. Но он хотел именно крутить сальто! Его неумелость и застенчивость гораздо больше смущали педагогов, нежели его самого, хотя угроза исключения, как тень, переходила с ним с курса на курс, пока его не перевели — за несколько месяцев до окончания — с отделения акробатики на открывшееся отделение клоунады.

В январе 1930 года, накануне выпуска, в журнале «Цирк и эстрада» было напечатано:

«Несмотря на тринадцатый год диктатуры пролетариата, сюда (то есть в цирк.— Е. Г.) не докатилась очистительная революционная волна, не смыла с цирковой арены... потешающих публику клоунов».

А через четыре года на манеж в Ленинграде вышел маленький уставший человек — Карандаш, в мешковатом костюме, непомерно больших ботинках и конусообразной шляпе. Трогательный в своей непосредственности и искренности, он удивлялся, и радовался жизни, и щедро делился своей радостью с окружающими.

— Артист начинается тогда, когда он кончается...— Сегодняшний Карандаш любит говорить парадоксами.— Когда он входит в свою роль так, что мастерства уже не видно. Комик должен иметь свой четкий облик, костюм, чтобы любой ребенок, впервые пришедший в цирк, увидев его, мог сказать: «Мам, смотри, вон клоун!»

Клоунада — зеркало жизни, считает Румянцев. Но зеркало своеобразное, которое преувеличивает, выпячивает, высвечивает какие-то ее стороны. Среди его учителей — Чаплин, Ильинский, Кторов. У каждого он брал понемножку. Но главный учитель — жизнь. Как правило, он не придумывал своих реприз, а подбирал их в жизни. Так геолог находит редкий минерал, когда тысячи людей проходят мимо.

У него совершенно удивительная зоркость. Помните его знаменитую репризу первых военных лет; Карандаш выходит на манеж и берется за метлу, но тут же ее бросает.

«Карандаш, ты почему не метешь?»— спрашивает инспектор манежа.

Он сокрушенно вздыхает:

«Не могу. Война».

Реприза имела четкую сатирическую направленность. Находились любители все списывать на войну: собственную лень, бесхозяйственность, безынициативность. Но не все репризы Карандаша читаются так легко: он далеко не однозначен, он философски глубок, допускает многочтение... Както клоун увидел мальчишек, возившихся возле пресловутой скульптуры физкультурницы с веслом. Это весло было уже сломано. А как бы стали складывать скульптуру мальчишки, если бы она развалилась вся на куски?.. Так родился «Случай в парке». Что хотел сказать нам Карандаш? Наверное, эту сценку можно толковать по-разному, и, наверное. каждое толкование будет верным. В жизни много прекрасного; нужно видеть и понимать это прекрасное. Мы же подчас своим бестактным, неуместным вмешательством можем непоправимо изуродовать то, что нас окружает. Нужно понимать и беречь красоту.

Иногда то, что он делает, кажется предельно простым, даже примитивным. Вот он стоит на манеже и меланхолично рвет газету — полоска за полоской. Вот уже весь пол у него под ногами усыпан обрывками, в руках остался лишь малюсенький клочок. Он нагибается, подкладывает его под ножку стула, должно быть, для того, чтобы тот не качался. И приступает к исполнению другого, столь же нехитрого на первый взгляд трюка. И снова — хохот, аплодисменты.

Чехов говорил, что самое трудное — писать просто. Трудная мудрость простоты одинаково нужна и писателю и актеру. Язык клоуна должен быть понятен всем.

По неполным данным, на счету Карандаша 250 реприз. Это 250 пьес с одним актером в главной роли; 250 спектаклей, созданных по законам комического. Все репризы — какой бы подтекст ни скрывался за их лукавой простотой — предельно смешны. Иначе клоун не был бы Клоуном. Один из любимых приемов Карандаша — игра на паузах. В сценке «Ужин» он прячет от инспектора манежа стакан с водой к себе в карман. И — о ужас! — вода проливается. Кто-нибудь другой не преминул бы воспользоваться внешним эффектом, благо тут можно дать волю фантазии, пытаясь как-то остановить холодный ручей. Карандаш застывает как изваяние. Он не шевелится, боясь, что будет хуже. И эта живая скульптура, возле которой действуют остальные участники этого мини-спектакля, как нельзя ярче передает комизм положения.

Полвека Карандаш беззаветно служит цирку. И в своей беззаветной преданности он беспощаден к себе и придирчиво требователен к людям.

Главный режиссер Московского цирка Марк Соломонович Местечкин рассказывает, что Карандаш однажды заболел, а в те дни в цирке выступала с морскими львами Ирина Сидоркина. Львы купались в большом стеклянном бассейне, а вместе с ними ныряли и плавали девушки-артистки. В воде оказывался и Карандаш. Выбравшись из бассейна, насквозь промокший, он растягивал на манеже веревку, прикреплялся к ней прищепками и начинал «сохнуть». Зал неистовствовал. Когда у Карандаша поднялась температура, Местечкин предложил ему отложить выступление, но клоун номер один был непреклонен: «Как же я могу не выступать, если мое имя на афише, если люди пришли на меня смотреть!» И не пропустил ни одного представления.

Да, люди не просто идут в цирк. Они ходят «на Карандаша», как позже «на Енгибарова», «на Никулина», зная, что их ждет праздник, что эти имена гарантируют смех со знаком качества.

«В людях живет потребность в смехе. Как нет жизни без радости, настоящего застолья без весельчака и балагура, так нет и манежа без клоуна. Сколько бы мир ни существовал, нужда в клоуне не исчезнет,— это из записей беседы с Карандашом в его гардеробной.— Не надо бояться «лишнего» смеха, шутки, даже легкомысленной. Раскованности смеха, а не дисциплины серьезности ждет от нас публика. Отдыхая от сложностей жизни, смеясь широко и открыто, люди рождают в себе силу для новых идей, новых замыслов и свершений. Давно известно, что смех лучше всех лекарств».

В день спектакля Карандаш пропадает в цирке с утра до ночи. Его гардеробная поневоле становится и рабочим кабинетом, и гостиной, и столовой, и даже спальней.

Отвечая на вопросы, он часто уходит в сторону, приводит примеры из биологии, медицины, экологии, физики, даже квантовой механики. О философии я уж не говорю. Очевидно, две тысячи томов — по самым далеким от цирка отраслям знаний — не зря стоят на полках его домашней библиотеки.

Суждения о цирке интересны и нешаблонны, как все, что он делает и говорит. Ибо штамп — смерть для клоуна.

Карандаш посматривает на часы... Сегодня он герой манежа. Сегодня и ежедневно. Старый Московский цирк на Цветном бульваре показывает представление «Юбилейный Карандаш». И, увидев на афишах имя давнишнего циркового знакомого, родители спешат отвести в цирк своих детей,—«на Карандаша».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70443